

АЛИНА УГЛИЦКАЯ

ПОХИЩЕННАЯ

18+

Тарианцы

Алина Углицкая

Похищенная

«Автор»

2019

Углицкая А.

Похищенная / А. Углицкая — «Автор», 2019 — (Тарианцы)

ISBN 978-5-532-98343-4

Он помнил, как увидел ее впервые. Нет, не увидел – почувствовал. Это было как удар под дых. Как торнадо, едва не сбившее его с ног. Как взрыв сверхновой в его сознании. Впервые за последние тридцать лет адмирал Тарианского Звездного флота Аллард Сорн Дайлер ощутил притяжение к особи противоположного пола. Это было бесценным подарком Мироздания. А такие подарки выпадают лишь единицам. В оформлении обложки использованы фото с сайта shutterstock. Дизайнер О. Кандела

ISBN 978-5-532-98343-4

© Углицкая А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	47
Глава 13	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алина Углицкая

Похищенная

Пролог

Свет.

Яркий свет бьет по плотно сомкнутым векам.

Прикосновения. Осторожные, изучающие.

Пальцы – прохладные, чуткие – скользят вдоль щеки, касаются губ и спускаются ниже – вдоль линии подбородка до самой ямки на шее...

А потом еще ниже.

Чужие ладони – сухие и узкие – трогают грудь. Изучают. Подушечки пальцев задевают соски. Перекатыывают, вызывая сдержанный вздох.

Она выгибается, подставляя грудь под случайную ласку. Тело вздрагивает. Острый импульс удовольствия пронзает его, расплываясь по нервам томительной дрожью. Губы что-то шепчут, как в забыты.

Чужая ладонь спускается ниже – по плоскому животу, к плотно сомкнутым бедрам. Осторожное проникновение – пальцы входят во влажную плоть.

Резкий вздох. Отрицание. Нет, она не готова. Пока не готова! Ей нужно время, хотя бы еще пять минут.

Но их никто не дает.

Холодные пальцы смыкаются на лодыжках. Один рывок – и колени раздвинуты. Руки и ноги надежно закреплены в специальных петлях – не вырвешься.

Она вся для его удовольствия. Вся открыта и выставлена на показ. Он получит то, за что заплатил. Она – просто тело, которое он приобрел на двенадцать часов.

«Расслабься... расслабься...» – шепчет голос в ее голове.

Но расслабиться не получается.

Это сон. Просто сон, о котором потом и не вспомнишь.

Она шепчет это, как мантру, повторяет себе каждый раз, и каждый раз забывает.

Возбужденная плоть готова к соитию. Ее тело дрожит от желания, требует проникновения, хочет, чтобы им обладали...

Только разум бьется в истерику. Жаль, что его нельзя отключить: он дарит эмоции – те самые, за которые платят.

Кто-то темный, большой и опасный нависает над ней, на мгновение закрывая свет. От него веет чем-то чуждым, нечеловеческим.

Это холод, принесенный с окраин Вселенной.

От него застывает душа и плавится тело.

Прохладная ладонь ложится на лоб, чужие пальцы касаются век.

Хриплый шепот в ее голове:

– Посмотри на меня, ливарри... Не бойся...

Это приказ. Этот мужчина не просит. Он заплатил за право быть с ней.

Но она не может открыть глаза. Не может позволить реальности ворваться в мирок, где все понарошку.

Чужие руки ложатся на грудь. Они обжигающе-ледяные, и этот холодный огонь пронзает насквозь.

Она вскрикивает и вскакивает в холодном поту.

Темнота. Сердце бьется пойманной птицей. В тишине слышно только прерывистое дыхание.

Облегчение накатывает сумасшедшей волной: это сон, просто сон. Один из тех, что так похожи на реальность.

Иногда эти сны повторяются...

Глава 1

– «Хотите осуществить свои эротические фантазии? Испытать неземные удовольствия с настоящей землянкой? Но боитесь, что девушка не выдержит вашей страсти?»

Теперь это в прошлом!

Корпорация «Тайные желания» осуществит любую вашу мечту. Позвольте себе наслаждаться обществом редчайших земных красавиц независимо от того, насколько ваши тела совместимы, и пережить незабываемый эротический уик-энд в виртуальном пространстве. Забудьте про ограничения! Скажите вашим тайным желаниям ДА!»

С гигантского голубого экрана, закрепленного над эскалатором, жизнерадостно улыбалась симпатичная женщина с роскошной гривой цвета расплавленного металла. И только самый придирчивый взгляд смог бы опознать в ней андроида.

Или тот, кто видел живую землянку.

– Мое тайное желание в данный момент – вырубить эту штуку, – проворчала Инга, отворачиваясь от экрана. – Уже оскому набили своей рекламой.

Зеркальная плитка, украшавшая стену подъемника, отразила высокую девушку лет двадцати пяти-тридцати с тонкими чертами лица, одетую в строгий корпоративный костюм. Яркорыжие волосы девушки были убраны в высокий шиньон, гладко зачесанная челка открывала чистый лоб с тонкими бровями вразлет.

Инга глянула на себя: чуть худовата, чуть бледновата, зато веснушек хоть отбавляй. Эти сволочи даже с наступлением холодов исчезать не собирались! Да еще темные круги под глазами от бессонных ночей. Они придавали лицу усталость и лишние пару лет.

Единственное, чем Инга втайне гордилась, если, конечно, не считать огненного оттенка волос, то это глаза. Они у нее были очень выразительными, прозрачными, светло-голубого цвета с темным ободком вокруг радужки. Именно из-за цвета глаз и волос она получила эту работу. Корпорация «Тайные желания» приветствовала необычную внешность сотрудниц и гордилась разнообразием.

За ее спиной засмеялись другие девушки – те самые «настоящие землянки», о которых вещал приторно-сладкий голос, льющийся из невидимых динамиков. Этот голос каждый раз напоминал Инге розовую сахарную вату, которую она ненавидела с детства. И слова, которые бесконечно гонялись по кругу, уже начали вызывать стойкое отвращение.

Трехполосная магнитная лента, на которой стояли девушки, неторопливо ползла вверх, поднимая толпу работников Корпорации к верхним этажам небоскреба. Тонкие шпили-антенны здания почти упирались в гигантский купол, защищавший Город-302 от солнечной радиации, а вокруг, насколько хватало глаз, в задымленной городской атмосфере тускло поблескивали такие же небоскребы, похожие на торчащие пальцы.

Для Инги и ее подруг так было всегда. Вот уже двести лет люди жили в таких городах, и никто из них не помнил, что когда-то было иначе.

Вздохнув, она посмотрела наверх. У входа в вирт-центр уже ждал охранник. Амбалоподобный качок с нависшими надбровными дугами, короткой бычьей шеей и бритым черепом держал в руках сканер, которым следовало обыскать девушек на предмет оружия и взрывчатки.

Каждый раз, когда Инга проходила контроль, ей казалось, что этот тип чересчур к ней придирчив. Иначе, почему ее он всегда обыскивал в два раза дольше, чем остальных? И почему зачастую, якобы случайно, касался ладонью ее попки или груди?

Девушка отступила за спины подруг, поймав на себе его сальный взгляд. Правила Корпорации запрещали отношения между сотрудниками, так что охраннику оставалось лишь пус-

кать слюни на Ингин задок. Но это не мешало ему лапать ее при каждом удобном случае. Вот и сейчас он ее поджидал, неторопливо похлопывая себя по руке сложенным сканером.

– Смотри! Тарианцы! – одна из подруг пихнула ее локтем в бок.

Инга обернулась назад, зацепив взглядом толпу девушек в одинаковых серых пиджаках, запрудивших ленту эскалатора. С места, где она находилась, был хорошо виден огромный мраморный холл с раздвижными стеклянными дверями. И сейчас эти двери были открыты, пропуская странную делегацию.

– Кто это? – переспросила девушка, глядя на высокие фигуры, с ног до головы закутанные в темно-лиловые плащи.

На ее глазах стеклянные двери сомкнулись, отрезая шумный холл от стоянки аэрокаров. К незнакомцам подбежали несколько встречающих в костюмах Корпорации, и среди них Инга с удивлением заметила начальника вирт-отдела.

Ее непосредственный босс сам встречает гостей? Такого еще ни разу не случилось за те пару лет, что она здесь работает.

– Тарианцы! Ты что, новости не смотрела? – худенькая брюнетка вскинула брови. – Это же по всем каналам со вчерашнего дня: «Самая загадочная раса из всех, которые известны на данный момент, посетила Старую Землю с неофициальным визитом», – процитировала она, глядя на инопланетных гостей.

– Да? – Инга скользнула по лиловым плащам равнодушным взглядом.

Под таким камуфляжем разглядеть что-либо не представлялось возможным. Все, что девушка поняла, так это то, что тарианцы довольно высокие и плечистые. А еще они двигались как-то странно: очень плавно, без резких движений, но хищная грация и гибкость их тел буквально бросались в глаза.

– Странные они какие-то, – пробормотала Инга, невольно поежившись. Необычная пластика загадочных инопланетян завораживала и одновременно пугала.

Ее подруги уже сбились в кучу и вытягивали шеи, пытаясь рассмотреть гостей получше.

– Конечно, странные! – хмыкнула одна из них. – Говорят, они могут двигаться быстрее ветра! Поэтому на Земле им приходится искусственно замедлять свою скорость. Думаешь, почему их прозвали смертельно опасными?

– А еще говорят, что они уничтожили собственную планету и теперь живут на закрытых космических станциях, – добавила вторая.

– А еще, что у них нет своих женщин.

– Как же они тогда не вымерли до сих пор? – задала Инга резонный вопрос.

– Вымирают, – ее собеседница пожала плечами. – Говорят, их с каждым годом становится все меньше. Они никак не могут найти расу, которая подходила бы им генетически. Кажется, только с нами не пробовали, но вряд ли кто-то из нас в здравом уме пойдет на такое.

– Господи, – выдохнул кто-то в толпе, – они едут в наш корпус...

Последняя фраза заставила девушек побледнеть. Быстро переглянувшись, они снова уставились на инопланетных гостей, которые уже полным составом грузились в прозрачный лифт.

– Они хоть гуманоиды? – еле слышно пискнула маленькая шатенка с перепуганными глазами. Даже с такого расстояния было видно, что любому из этих тарианцев она будет не выше пупка.

– Какая разница?! – резко отозвалась другая, скрывая тревогу под маской грубости. – Все равно потом ничего помнить не будешь.

Инга тихонько вздохнула. Если бы не стирание памяти после каждого сеанса, она бы в жизни не согласилась на такую работу. Хотя, эти слова не более чем попытка заглушить свою совесть.

Непрощенные воспоминания нахлынули удушливой волной. Вспомнились тяжелые месяцы, которые пришлось пережить после внезапной смерти мужа.

Артур трусливо покончил с собой, оставив Ингу с годовалым сыном, кучей долгов и заложенным имуществом. Молодая женщина, еще вчера не знавшая, что такое нужда, оказалась на улице. Банк, конфисковав имущество за долги, просто вышвырнул ее вон, ребенка забрали в приют, а городской муниципалитет постановил: если Инга в трехмесячный срок не найдет жилье и работу, ее лишат родительский прав. Закон был не на ее стороне.

Вот так она осталась одна, без помощи, без поддержки, без средств к существованию в мире, где бесплатно ничего не дается. В те дни Инга готова была продать даже душу, если бы кто-то пообещал за нее приличную сумму. И поэтому, когда старый друг Артура предложил место вирт-девушки в эротическом салоне "Тайные желания", заточенном под инопланетных гостей, она схватилась за это предложение, как за последнюю соломинку, способную удержать на краю.

Орест утверждал, что работенка не пыльная, да и платят прилично. Все, что требуется от сотрудниц – это отлежать смену в особой капсуле, удовлетворяя все прихоти клиентов... в виртуальной реальности. Казалось, эта работа – подарок судьбы, и потому Инга, почти не задумываясь, подписала контракт. На тот момент она уже пятый день ночевала на улице и питалась водой из городского фонтанчика.

Девушка утешала себя тем, что все это будет происходить в виртуальной реальности. Ну, подумаешь – страшно, противно. Понятно, что инопланетяне бывают всякие, и иногда такие отвратительные на вид, что тошнит от одной мысли, что это чудовище будет трогать тебя. Но ведь это все понарошку! Да и память стирают после каждого сеанса, чтобы сотрудниц не мучили лишние воспоминания. Главное, у нее будет бумажка об официальном трудоустройстве! Главное, что ее зарплата позволит снять квартиру в кондоминиуме, забрать сына из приюта и нанять ему няню. Это все, о чем Инга думала в тот момент, когда ставила подпись под трудовым договором.

Это было два года назад. С тех пор она накопила достаточно денег, чтобы вместе с сыном уехать из пыльного Города-302 на ближайшую Ферму и начать все с начала. Там, по крайней мере, ее сын рос бы среди настоящей зелени, а не среди серых стен из стекла, бетона и стали, накрытых непроницаемым куполом.

Но злополучный контракт был однозначным: десять лет без права досрочного расторжения. Инга, сама того не желая, продала себя в рабство.

– Проходим, дамы! Проходим! Не создаем толпу! – деловитый голос охранника вырвал Ингу из воспоминаний.

Она тряхнула головой, отгоняя неприятные мысли, и уже развернулась к выходу с ленты, как вдруг легкое покалывание в затылке заставило ее вновь обернуться. Взгляд машинально уперся в прозрачный лифт на другой стороне здания, в группу лиловых фигур. Девушка вздрогнула.

Они разглядывали ее!

Эти странные таранцы разглядывали ее!

Она не видела глаз, не видела лиц, но ощущение того, что на нее смотрят из лифта, было однозначным. Кто-то из этих таинственных инопланетян сейчас смотрел на нее в упор, и вовсе не с праздным любопытством, а пристально, изучающе. Инга всем телом почувствовала этот взгляд, который скользил по ней с пугающей медлительностью, словно невидимый, но осязаемый шуп.

Судорожно вздохнув, она инстинктивно подалась назад, спеша укрыться от этого взгляда. Перешла на ступеньку выше, ближе к выходу с эскалатора, и кто-то из девушек двинулся следом, заслоня обзор.

Последнее, что увидела Инга перед тем, как лифт пропал из поля зрения – это как одна из высоких фигур шагнула вперед и приникла к прозрачной стенке.

Глава 2

В капсульной, как всегда, звучала приятная музыка и горел приглушенный матовый свет. Считалось, что это помогает расслабиться и заснуть лучше, чем медикаменты. К тому же, последние вызвали привыкание и быстрое истощение организма. А вот тихая музыка или звуки природы – нет. Инга радовалась, когда на ее смене включали журчание ручья, шум ветра или шорох прибоя. Кроме как в записи, ей нигде было услышать их, ведь земные городá уже двести лет были накрыты непроницаемым куполом, защищающим от солнечной радиации.

Войдя в помещение, девушки снова загомонили. Их уже ждала пара десятков продолговатых капсул из белоснежного пластика, заполненных спец-гелем. Блондинки, брюнетки, рыженькие всевозможных мастей нервно смеялись, обсуждая инопланетных гостей, не забывая при этом снимать с себя одежду. Всех этих девушек отбирали по одному критерию: повышенная нервная возбудимость. Корпорацию интересовало только одно: насколько остро они могут реагировать на происходящее. Потому что именно за их эмоции им и платили.

Инга тоже разделась и аккуратно сложила костюм, злясь на себя за дрожащие руки. Ведь не первый раз же! Должна бы привыкнуть уже.

Но тихая музыка и матовый свет не могли успокоить нервозность, охватившую девушку. Ингу не отпускало чувство, что тот загадочный тарианец продолжает смотреть на нее. Ощущение его пристального взгляда никуда не делось, даже когда за спиной бесшумно закрылись герметичные двери капсульной. Да и странное покалывание в затылке никуда не исчезло. Инге казалось, что стоит лишь обернуться – и за спиной окажется одна из тех пугающих фигур в лиловом плаще.

Да, лучше не оборачиваться.

– Нервничаешь? – заговорщицки подмигнула девушка из соседней капсулы. Она уже ловко крепила к вискам электроды. Сразу видно – давно здесь работает. – Новенькая что ли?

– Нет. Сменами поменялась. – Инга положила поверх костюма лифчик и трусики. Поежилась, хотя воздух в помещении был комфортной температуры.

– А-а, – та понимающе кивнула, – то-то я вижу, Раяны нет. Знаешь, кто сегодня у нас?

Она имела в виду расу, которую придется обслуживать в эту смену.

– Не знаю.

– Только бы не артраны. Говорят, они любители секса в космическом вакууме, мол, это придает особую остроту ощущениям. Но в отличие от людей, они могут по три часа не дышать, да и тело у них покрывает естественная защита. Или морруане. Как представлю их щупальца... Бр-р! – она гадливо передернула плечами.

– Ох, да какая разница? – оборвала Инга. Она сама каждый раз буквально заставляла себя ложиться в эту капсулу, и каждый раз старалась не думать о том, кто и как использует ее виртуальное тело. – Все равно ничего не запомнишь.

– Ну да... Хоть это радует.

Неожиданно музыка смолкла, и все девушки повернулись лицом к небольшому экрану, встроенному в одну из стенных панелей.

Экран ожил и засветился, показывая женщину в белом халате и строгих очках.

Госпожа Рудковская – ответственная за смену. Инга не раз с ней встречалась. Рудковская лично отбирала девочек на каждую смену, следила за их показателями и назначала клиентов. Она знала возможности каждой из них, и если случались какие-нибудь форс-мажоры, например сбой в системе, – умело избавлялась от ненужных последствий. Репутация Корпорации должна быть чистейшей – это был ее главный девиз.

– Девочки, сегодня у нас особые гости! Корпорация «Тайные желания» и вы должны превратить их мечты в реальность, – произнесла она высокопарным тоном заученный текст, который Инга слышала уже сотни раз. Потом, поправив очки, обвела полуголых девиц внимательным взглядом. – У вас есть пять минут на приготовления, потом капсулы автоматически закроются, и система начнет обратный отсчет. Встретимся с вами здесь же через двенадцать часов.

Экран погас, свет в помещении стал немного слабее. Девушки зашевелились, торопливо занимая свои капсулы.

– Особые гости... – донеслось тихое ворчание с разных сторон.

– Как же...

– Они у них каждый раз особые!

– Хорошо еще, что все эти «особенности» напрочь стираются из памяти.

С последним Инга была согласна.

Постепенно недовольное ворчание улеглось. Инга забралась в прохладный гель, который тут же нагрелся до температуры ее тела. Привычными движениями прикрепила к вискам электроды и закрыла глаза.

Спустя минуту смолкли последние голоса. Все затаили дыхание, и в этой искусственной тишине раздался писк зуммера, а вслед за ним тихое гудение опускающихся крышек. Еще секунда – и все капсулы оказались закрыты.

Система начала обратный отсчет.

Глава 3

Сознание медленно прояснялось. Инга выплывала из сна, пробираясь сквозь обрывки разрозненных образов, похожих на сгустки тумана. И чем сильнее таял этот туман, тем отчетливее становилось гудение – тихое, ненавязчивое, похожее на звук работы каких-то устройств.

Воспоминания напоминали осколки. Инга смутно помнила некое темное пространство, ощущение стали и холода. Помнила невесомость и тошноту. А еще чей-то пристальный взгляд. Кто-то чужой смотрел на нее, пока она спала.

Не открывая глаз, Инга пошевелила головой. Шея немного затекла, так что ощущения были не из приятных.

Странно... Раньше при пробуждении она не испытывала ни малейшего дискомфорта. Да, иногда случалась кратковременная потеря ориентации в пространстве, как у человека, которого внезапно разбудили во время глубокого сна. Но чтобы затекла шея... Спец-гель в капсулах был пронизан особыми микротоками, они не давали мышцам неметь.

Все это пронеслось в удивленном мозгу за пару секунд. А потом над головой раздался тихий щелчок, и тут же легкий сквозняк пробежался по телу.

Крышка капсулы беззвучно отъехала.

Девушка облегченно вздохнула: все, смена закончилась, можно вставать...

И открыла глаза.

Вместо ожидаемых матовых панелей, которыми был украшен потолок капсульной, ее встретил холодный металл.

Инга моргнула.

Металл никуда не исчез.

Она удивленно протерла глаза.

То же самое.

Зажмурилась. Сначала легонько, потом изо всех сил, так, что глаза заболели. Ведь говорили же ей, что такое бывает, когда система дает сбой, и в памяти остаются обрывки виртуального сна. Искусственные воспоминания наслаиваются на настоящие, и человек не может их различить. Может, это случилось и с ней?

Думать о таком всерьез не хотелось.

Инга слышала легенды, бродившие между сотрудницами вирт-отдела. Насколько они соответствовали действительности, никто точно не знал, но поговаривали, что некоторые девушки от подобных “воспоминаний” сходили с ума. Мало кто мог осознать и принять то, что с ними происходило “во сне”, ведь их клиентами были вовсе не люди. Поэтому лучше было вообще об этом не знать.

Когда боль в глазных яблоках достигла предела, Инга резко открыла глаза.

Потолок из хромированных листов, грубо склепанных между собой, никуда не исчез. Как не исчезли и линии толстых кабелей, тянувшихся вдоль него.

Девушка медленно поднялась. Сердце испуганно сжалось, когда она осмелилась бросить взгляд по сторонам.

Да, она все еще продолжала сидеть в своей капсуле, только эта капсула, судя по всему, уже давно была обесточена. Спец-гель не функционировал, все системы были отключены. А вокруг вместо привычных матовых стен равнодушно поблескивал серый металл. И здесь было довольно прохладно...

Судорожно вздохнув, Инга обхватила себя руками. Ее капсула непонятным образом перенеслась в какой-то ангар.

Еще раз осмотревшись, девушка поняла, что одежды тоже нет. Ни единой тряпки, которой можно было бы прикрыться.

Значит, это все еще вирт-реальность? Смена не кончилась? Или все-таки произошел сбой, которого так все боятся?

Словно в ответ на ее безмолвный вопрос, гудение изменилось, стало громче, отчетливее, дрожь под ногами усилилась. Пластиковая капсула вздрогнула, спец-гель затрясся, точно желе на тарелочке, и вместе с капсулой вздрогнула Инга.

Гудение! Как она сразу не обратила внимания на него! Оно шло откуда-то снизу, из-под пола, покрытого неизвестным материалом. Такие звуки способен издавать только гипердвигатель, поставленный на ускорение!

Значит ли это, что ей пора испугаться?

– Интересно, кто этот урод? – пробормотала девушка, имея в виду неведомого клиента.

Вероятно тот, кто купил ее в этот раз, предпочитал секс в космическом корабле с отможенным трупом. Или в космическом вакууме – память любезно подбросила воспоминание об артранах, упомянутых в капсульной.

Инга неловко перебросила ноги за край капсулы. Босые ступни коснулись холодного пола, пальцы рефлекторно поджались.

Она здесь, чтобы излучать весь спектр эмоций, на которые только способно человеческое сознание. Весь спектр ощущений, которое может испытать человеческое тело.

Да, напомнить себе, зачем она здесь, не помешает.

Именно для этого и существуют вирт-девушки, именно для этого их покупают инопланетяне, решившие совершить “экзотический тур по Старой Земле”.

Женщины продавались всегда, во все времена, и двадцать третий век не стал исключением. Только в этот раз все было немного иначе. Человеческие женщины с их эмоциональностью оказались востребованы среди инопланетян, их стали считать своеобразным деликатесом, экзотикой, вишенкой на торте. Только они были способны испытывать столько контрастных и сильных эмоций одновременно.

Ненависть и любовь, боль и наслаждение, чувственный голод и пресыщение – когда в Корпорации поняли, что эти эмоции уникальны, и есть те, кто согласен за них платить, появились и салоны, подобные “Тайным желаниям”. Их клиентами стали инопланетные расы, которые хотели попробовать ту самую “вишенку”. Женское тело для многих из них не представляло особого интереса, но вот эмоции, которые мог излучать разум землянок, стали визитной карточкой Старой Земли, давно превратившейся в нечто вроде отстойника в галактике Млечный Путь.

Отбросив неприятные мысли, Инга проанализировала собственные ощущения. Холодно и немного тревожно... Это то, чего хочет клиент? Чтобы она замерзла и испугалась?

Но если она еще способна мыслить и анализировать, значит, пока не достигла предела возможностей.

Стараясь не думать об этом “пределе”, девушка на цыпочках направилась к ближайшей стене. Возможно, где-то там скрытый проход...

Дойти до стены не получилось. Инга буквально врезалась в какую-то преграду. Твердую, прохладную и прозрачную, точно стекло.

Недоуменно остановилась. Положила ладони на невидимую поверхность. Развела руки в стороны, насколько хватило сил. Но и справа, и слева преграда тоже существовала.

Чувствуя нарастающий страх, девушка пошла вдоль преграды, скользя ладонью по невидимой поверхности. Нащупала угол. Один. Другой...

Кажется, это был куб. Настолько прозрачный, что зрение не улавливало даже отблеска материала, из которого он был сделан. Куб со стороной в восемь шагов. И в центре этого куба сиротливо стояла вирт-капсула.

Значит, ее тюрьма гораздо меньше, чем казалось сначала.

Инга прислонилась спиной к невидимой стенке и закрыла глаза. Тревога усилилась. Ощущения были слишком реальны, чтобы можно было внушить себе, что все это – ненастоящее. Ведь сердце по-настоящему колотилось в груди, гоняя по венам дозу адреналина.

Девушка задышала чаще, ее кожа начала покрываться мурашками, а мышцы внизу живота свел болезненный спазм. Сглотнув горький комок, образовавшийся в горле, она медленно сползла вниз.

И в этот момент высоко над головой вспыхнул свет.

Инга вздрогнула, поднимая взгляд к потолку. Обхватила колени руками. От неожиданности она поперхнулась воздухом, который вдруг стал густым и колючим.

Странный, зеленовато-холодный свет лился с потолка тонкими полупрозрачными линиями, которые двигались, мерцали, переплетались, точно живые. Они завораживали, не давали отвести взгляд...

А еще от них веяло чем-то нечеловеческим, настолько чуждым земному разуму, что Инга инстинктивно попыталась отползти подальше от них. Но дальше было некуда – спина упиралась в прозрачную стенку.

На глазах у девушки зеленые лучи обозначили границы ее невидимой клетки. Они пролегли по всем граням куба, соединяя углы. Теперь Инга видела пределы своей свободы, если это можно было так назвать.

А потом помещение за прозрачными стенами стало меняться. Словно это были не стены вовсе, а гигантские экраны, которые транслировали панорамную картинку. Очертания металлического ангара подернулись дымкой, потекли, и сквозь них начала проступать совсем другая обстановка, больше напоминавшая медицинскую лабораторию с ослепительно-белыми стенами. И посреди этой лаборатории притихшая Инга заметила силуэт.

Вот он. Тот, кто ее купил.

Эта мысль возникла в мозгу так внезапно, что она и сама не успела ее осознать.

От волнения горло перехватил нервный спазм. Инга машинально прижала ладони к обнаженной груди, задержала дыхание. От этого силуэта, высокого и темного, веяло космическим холодом. Она почувствовала его даже через барьер.

Кем бы он ни был, кто бы он ни был – он пугал ее до дрожи в коленях уже сейчас.

Глава 4

Силуэт определенно принадлежал мужчине. Очень высокому и атлетически сложенному. Инга не могла рассмотреть подробности, но широкую линию плеч, мощную шею и благородную посадку головы невозможно было не заметить.

Незнакомец стоял, сложив руки на груди и немного расставив длинные ноги. Комбинезон из серого материала с тусклым металлическим отблеском подчеркивал его мощную фигуру. Мягкие самого плотно обхватывали мускулистые икры до самых колен. Узкую талию перехватывал широкий пояс, похожий на стальной обруч, и к этому обручу крепились какие-то странные штуки, которые Инга приняла за оружие.

Девушка прищурилась, разглядывая его. То ли случайно, то ли нарочно, незнакомец встал так, чтобы тень скрывала его лицо, но Инга готова была поклясться, что перед ней не человек. Слишком высокий для обычного землянина, слишком мощный. Земляне не бывают два метра ростом!

– Сэр... – она с трудом прочистила горло. Собственный голос показался ей похожим на хриплое воронье карканье. – Простите, где я нахожусь? Незнакомец слегка качнул головой, но ничего не ответил. Он продолжал стоять там, где стоял – на расстоянии не меньше десяти шагов от прозрачной клетки. Девушка отчетливо видела окружавшую его обстановку: холодные белые стены и потолок, такой же пол, почти светящийся от своей неестественной белизны, приборы странной конфигурации... Больше всего помещение напоминало лабораторию.

А еще Инга почувствовала странную энергетику, идущую от незнакомца. Она была резкой, обжигающе холодной, словно осколок льда. Взгляд незнакомца пронизывал, точно скальпель, хотя она не видела его глаз. Это взгляд был подобен прикосновению стали, безжалостно рассекающей плоть и душу. А молчание оказалось настолько удушающим, что Инга невольно потеряла горло. Ей на секунду вдруг показалось, что стоит этому типу лишь захотеть – и она перестанет дышать.

Кто этот мужчина? Что ему нужно? Это сон или явь?

Больше всего волновал последний вопрос.

– Сэр? Вы меня слышите? – девушка подтянула колени к груди, радуясь, что распущенные волосы закрыли все лишнее. – Где я нахожусь? Что это за место?

И снова в ответ тишина.

Инга почувствовала, как ее начинает потряхивать изнутри.

– Это какая-то шутка? – она старалась говорить спокойно и рассудительно, но голос предательски дрогнул. – Эй! Вы меня слышите? Не молчите! Что происходит?

Мужчина сделал шаг в сторону и назад. Поднял руку и прикоснулся к чему-то, что было видно только ему. На глазах у девушки вокруг его пальцев вспыхнуло зеленоватое свечение, а потом все, что видела Инга, начало медленно исчезать.

Сквозь тающие стены лаборатории проступил уже знакомый ангар.

– Нет! – забыв о наготе, Инга бросилась к прозрачной стене. Забарабанила по ней кулаками, не замечая, что голос сорвался на истерический крик. – Нет! Подождите! Не бросайте меня здесь! Вы не имеете права!

Станный мужчина исчез последним, когда очертания лаборатории полностью сменились стенами ангара. И девушке показалось, будто все это время он внимательно смотрел на нее и слушал. Слушал ее крики о помощи, и не сделал ничего, чтобы помочь!

Осознание этого факта поразило больше всего.

– Нет, пожалуйста, нет... – Перед глазами все плыло от застывших слез.

На подгибающихся ногах Инга опустилась на колени. Застыла, прижав руки к груди и не сводя взгляда с той точки, где стоял ее молчаливый мучитель. Что-то подсказывало – он стоит там до сих пор, невидимый и неприметный. Следит за ней, изучает.

Зачем?

– Кто вы? Чего вы хотите? – прошептала она, чувствуя, как сжимается сердце.

Ее шепот растворился в тишине, не дождавшись ответа.

Минут пять Инга находилась в прострации, не чувствуя ничего, кроме паники, охватившей душу ледяными щупальцами. Она не знала, что делать дальше. Ее никто не учил, как вести себя в таких ситуациях. Но одно она поняла: эта прозрачная клетка и ее стены-экраны – не плод воображения и не вирт-сон. Это реальность. Холодная и безжалостная реальность, в которой она всего лишь песчинка, попавшая между мельничных жерновов.

Неожиданно за спиной раздалось подозрительное шипение. Будто кто-то выпустил сжатый воздух.

Вздрогнув, девушка обернулась.

На ее глазах ангар за прозрачной стеной трансформировался в небольшую комнату с вполне привычной земной обстановкой. Обстановкой, которая с точностью до мелочей скопировала ее собственную спальню в кондоминиуме!

Изумленная Инга медленно поднялась. Эта картина настолько ее потрясла, что девушка забыла про холод, про кожу, покрывшуюся мурашками, и даже про собственную наготу.

В стенке куба образовался овальный проход, обозначенный зеленоватым сиянием. Из прохода потянуло теплом, ароматом ванили и пряностей. Так пахло в ее квартире, и этот аромат вместе с детальной картинкой на секунду заставил поверить, будто это все настоящее...

Да оно и было настоящим! Вполне осязаемым.

Инга убедилась в этом, когда несмело пересекла границы своей прозрачной тюрьмы. Ее окружали привычные вещи. Двухспальная кровать-коробка из бледно-розового пластика, такой же комод, встроенный шкаф с зеркальными дверцами, отразившими ее испуганное лицо с растрепанными волосами.

Не веря своим глазам, девушка отодвинула дверцу шкафа. На полках лежала аккуратно сложенная одежда. Инга пощупала ткань. Да, сомнений не было – это все настоящее, все такое же, как она оставила дома перед тем, как уйти на смену...

Дрожащими руками она вытащила из стопки нижнее белье и теплый домашний костюм, состоявший из мешковатой футболки с длинным рукавом и таких же штанов. Нашла и мягкие тапочки со смешными помпонами на их привычном месте под кроватью. Кто-то хорошо постарался, создавая эту микро-вселенную.

Одевшись, Инга почувствовала себя немного смелее. Вспомнив кое о чем, она вернулась к комоду. Смахнула с него дешевую вазочку с бумажным цветком.

Сердце заколотилось сильнее, а тело бросило в жар, когда взгляд уткнулся в глубокую царапину на гладкой поверхности.

Так и есть.

Она вчера отругала сына, поймав его за попыткой выцарапать солнышко на комод.

Сглотнув комок, образовавшийся в горле, Инга потрясенно села на край кровати и обвела взглядом вокруг себя. Это место было слишком реальным. Настолько реальным, что это пугало! Ей вдруг показалось, что вот-вот распахнутся двери, ведущие в детскую, и оттуда выбежит трехлетний Тим, соскучившийся по маме... Она почти слышала его радостный голос...

Но этого не случилось.

Краем сознания Инга отчетливо понимала, что эта комната – не более чем отличная имитация. И появление ее сына в этом холодном и странном месте – не самое лучшее, что может.

На ватных ногах она обошла спальню, заглядывая в каждый угол. Даже проверила сейф, в котором хранила свои сбережения. Сейф оказался на месте, как и стопка банкнот, припасенных на крайний случай. В этой странной комнате только окна и двери не открывались. Они были подделкой, способной обмануть зрение, но не внутреннее чутье.

Это совсем сбilo девушку с толку. Выдохнув, она сжала виски.

Если бы ее мучитель сказал, что ему нужно, она бы знала, что делать.

Глава 5

Аллард наблюдал за ней через экто-экран уже несколько дней. Сначала на Земле, во время сеанса вирт-удовольствий, теперь здесь, на своем линкоре. Изучал память землянки, пока медики приводили в порядок ее тело, уже подвергнувшееся влиянию времени. Крупницу за крупницей вылавливал воспоминания, на основе которых создавал привычные для нее вещи. Ему хотелось, чтобы адаптация прошла для нее как можно гуманнее, но в то же время он не мог не заметить, насколько эта человеческая девушка отличается от него – от всей его расы.

Она оказалась хрупкой во всех смыслах этого слова. Ее плоть и разум было очень легко повредить, а эмоциональный баланс нуждался в корректировке. Лертис – главный бортовой медик – сразу предупредил, что с ней будут проблемы. Но неумение землянки адаптироваться к окружающей среде казалось мелочью на фоне возможностей, которые обещало обладание ею.

Аллард вспомнил, как увидел ее впервые.

Нет, не увидел – почувствовал.

Это было как удар под дых. Как торнадо, едва не сбившее его с ног. Как взрыв сверхновой в его сознании.

Впервые за последние тридцать галактических лет адмирал Тарианского Звездного флота Аллард Сорн Дайлер ощутил притяжение к особи противоположного пола. Это говорило лишь об одном: его организм почувствовал ту, что сможет принять его сущность! Это было бесценным подарком Мироздания. А такие подарки выпадали лишь единицам.

Теперь осталось только узнать, сможет ли она выдержать трансформацию и зачать.

Когда это произошло, Аллард находился в прозрачном лифте вместе с принцем Онезисом – наследником Тарианской империи – и его телохранителями. И этот лифт стремительно уносился к верхним этажам огромного небоскреба, где всю компанию ждало одно из самых экзотических земных развлечений. Как многие из амонов, Аллард давно пресытился женщинами, да и Догма Амморана – высший закон Тарианской империи – осуждала излишества.

Но в тот момент он едва не утратил контроль над собой.

Случайный взгляд, брошенный вниз, на толпу в одинаковых серых костюмах, заполонившую эскалатор – и вся кровь ударила в голову, заставляя свет на мгновение померкнуть перед глазами. Только одна яркая точка осталась гореть в темноте, и он, не осознавая собственных действий, завороченный этим мерцанием, шагнул ей навстречу...

Через секунду наваждение испарилось, а суровый адмирал обнаружил себя стоящим вплотную к прозрачной стене лифта и дрожащим, точно мальчишка.

Женщина, которая его привлекла, уже смешалась с толпой. Но теперь он знал, что она существует!

Найти ее во второй раз было гораздо легче, во многом благодаря принцу Онезису. Аллард знал, Его Высочество еще предъявит счет за свою помощь. Но сейчас это было не важно, как неважно и то, сколько межгалактических законов он нарушил, похитив девчонку с Земли.

И вот теперь он наблюдал за ее пробуждением и первой реакцией. Да, она была странной – эта маленькая человеческая женщина. Странной, непонятной, чужой – и в то же время желанной. Она была его личным призом в этой гонке на выживание.

Услышав тихие шаги, Аллард оторвался от экто-экрана.

– Амон адмирал, ваша ливарри готова для первого контакта, – подошедший Лертис вежливо поклонился. Он был отличным медиком, но происходил из касты более низшей, чем каста самого Алларда, а это накладывало особый тон на их отношения. – Можно отключить голограмму?

– Не стоит, – Аллард остановил его коротким жестом. – Я все сделаю сам.

– Вы уверены? – Лертис с сомнением посмотрел на экто-экран, на котором было видно, как землянка дрожит в адаптационной камере. – По всем физическим параметрам она готова к новой жизни, но ее психоэмоциональная стабильность оставляет желать лучшего.

– Я справлюсь. Можешь идти.

Лертис беззвучно покинул каюту, оставив Алларда возле экто-экрана.

Оставшись один, адмирал включил ксанар личной связи – небольшое устройство, вживленное каждому члену экипажа в нервные волокна запястья и кисти правой руки. Такой ксанар имел несколько каналов: общий, личный и приватный. Общий – для общения между командой и центром управления. Личный – для частных переговоров между экипажем. И приватный – имевшийся только в ксанаре адмирала. Этот канал был единственным защищенным от записи и прослушивания. Все остальные переговоры фиксировались в бортовом журнале. Но для того, что Аллард хотел сделать сейчас, ему не нужны были свидетели.

Он собирался покончить с одной проблемой еще до того, как займется своей ливарри.

– Что с документами? – голос Алларда прозвучал сухо, бесцветно, словно его совершенно не волновали эти самые документы.

– Амон адмирал, все бумаги готовы, – ответил сиплый голос с резким земным акцентом.

– Надеюсь, проблем не возникнет?

– Нет, амон, беспокоиться не о чем. По всем документам ваш... – тут голос запнулся, – груз числится, как репликант человеческой женщины, созданный для личного пользования владельца. Владелец, разумеется, вы.

– А что с подменой?

– Все прошло более чем успешно. Никто из постоянных контактеров не заметил изменений ни в поведении, ни во внешности. Наша фирма создает точные реплики. Вы могли убедиться в этом, ознакомившись с отзывами клиентов...

Аллард тихо скрипнул зубами. Ему, адмиралу Тарианского Звездного флота, командующему эскадрой кронпринца Онезиса, было унижительно общаться с таким дерьмом, как этот человечиска, который возомнил, что оказывает ему услугу.

Ганспек был земным контрабандистом самого низкого пошиба, одним из тех, кто продает своих соотечественников на другие планеты по поддельным документам. И если бы не желание забрать свою ливарри из этого гиблого места, Аллард никогда не снизошел бы до общения с подобным отребьем. Но межгалактические законы запрещали вывоз землян за пределы их звездной системы и никаких исключений не делали.

И все же, надо было отдать Ганспеку должное. Он и его так называемая фирма провернули все за пару недель. Создали клона, подделали документы, подменили клоном девушку, в которой тарианский адмирал признал свою суженую-ливарри, и сейчас эта девушка находилась на борту линкора «Аламаут» в нескольких световых годах от Земли.

А главное, теперь Аллард по всем документам стал ее единоличным владельцем.

Конечно, долго скрывать правду ему не удастся. Но этого времени хватит, чтобы убраться из зоны контроля Земного союза. Как только «Аламаут» покинет пределы Млечного Пути, правда уже не будет иметь значения.

– Так что там с вознаграждением? – Ганспек нетерпеливо оторвал тарианца от мыслей.

– Как договаривались, – голос адмирала даже не дрогнул. – Как только файл с документами будет у меня, в твоём ксанаре активируется код доступа к счету.

– Отправляю файл, – голос контрабандиста из угодливого стал деловым. – С вами приятно иметь дело, амон адмирал.

На темном экране личного ксанара Алларда замигало входящее сообщение. Тарианец быстро пробежал файл глазами. Да, это было именно то, чего он хотел. Документы на клон человеческой женщины. Никто, никогда не сможет доказать, что она настоящая, если только не

проверит ее репродуктивную систему. К сожалению, клоны от оригиналов отличались только одним. Они не могли размножаться.

– Отлично, – процедил Аллард сквозь зубы и нажал комбинацию цифр. – Прощай, Ган-спек.

За сотню световых лет от линкора на крошечной планетке Земля в Городе-302 прозвучал тихий взрыв.

Через несколько дней после этого девушка по имени Инга Соллерс услышит в новостях, что черный рынок торговли людьми поредел на несколько контрабандистов. Пропустив сообщение мимо ушей, она даст указания няне, поцелует трехлетнего сына в макушку и привычным маршрутом отправится на работу.

И ни ей, ни ему, ни кому бы то ни было во всем Городе-302, как и на всей планете Земля, не придет в голову, что она – клон.

Аллард был в этом уверен.

Сохранив полученные документы в зашифрованной “папке”, он вернулся к экто-экрану.

Кажется, имитация привычного окружения прошла довольно успешно: его пленница успокоилась, перестала трястись. Она нашла себе одеяние, немного странное для восприятия тарианца, и теперь сидела на краешке кровати, уставившись в одну точку и крутя в руках бумажный цветок.

Хотел бы он знать, какие мысли бродят сейчас в её голове.

Из воспоминаний землянки адмиралу было известно, что этот цветок, неказистый и мятый, сделал её ребенок.

Сын.

Эта мысль вызывала у тарианца удушливый приступ ревности – низменного чувства, присущего только отсталым расам.

Помянув проклятого бога Ратса, Аллард усилием воли заставил себя отключить эмоции и перешел на молекулярное зрение. В его руках засветился сгусток энергии – пригоршня атомов, которым сейчас предстояло превратиться в питательную субстанцию.

Ливарри стоило накормить привычной ей пищей. Любимой пищей. Это поможет ей успокоиться и легче привыкнуть к новым обстоятельствам.

Да, где-то на линкоре был пищеблок, который использовала команда. Низшие касты Тариана питались, как и земляне: жирами, белками и углеводами, но высшая знать – амоны – уже давно не употребляли ничего, кроме чистой энергии.

Это было залогом их долголетия и в то же время причиной больших проблем. В борьбе за вечную жизнь они потеряли самое ценное, что может быть у живых существ.

Сначала на это никто не обратил внимания. Амоны оказались ослеплены открывшимися возможностями. Они забыли, что такое болезни и старение, а их жизненный цикл увеличился в сотню раз. Это ли не повод для радости?

А потом пришел горький откат.

Оказалось, их женщины утратили способность рожать. Сначала у них перестали вырабатываться яйцеклетки, а потом органы, которые отвечали за это, просто атрофировались за ненадобностью. И даже тогда амоны не забыли тревогу. Они решили, что можно исправить ситуацию, если брать наложниц из других тарианских каст. Но и здесь Природа, которую они хотели себе подчинить, ответила им ударом. Дети, рожденные от этих наложниц, были бесплодными. Они не могли продлить род. Как и клоны, которых в огромном количестве производили, как дешевую рабочую силу.

И только спустя сотни галактических лет, когда от амонов осталась лишь жалкая горстка, Мироздание решило дать им еще один шанс.

Конкретно сейчас этот шанс получил сам Аллард Сорн Дайлер – адмирал Тарианского Звездного флота, попавший на Старую Землю по чистой случайности.

Если бы не кронпринц Онезис, которому захотелось острых ощущений, адмирал Сорн Дайлер никогда не пошел бы в такое место, как «Тайные желания», искать себе развлечений. Но с принцем, особенно с наследным, спорить чревато. Аллард уже много лет командовал эскадрой, сопровождавшей наследника Тарианской империи в его межзвездных прогулках, и знал, что тот не приемлет отказов.

Закончив процесс “приготовления”, как он назвал это для себя, Аллард подхватил со стола только что созданный поднос с дымящимися тарелками и шагнул к стене. Та по его мысленному приказу изменила свою структуру и образовала проход.

Девушка, только что сидевшая неподвижно, встрепенулась. Вскочила с кровати, прижимая к груди бумажный цветок. Ее глаза изумленно расширились.

Аллард знал, что она сейчас видит.

Его.

Она видит, как он проходит сквозь стену. И эта стена в ее понимании непроницаема.

В глазах девушки вспыхнуло недоумение, которое сменилось тревогой. И эта тревога росла по мере того, как он приближался.

Решив не пугать землянку еще больше, Аллард замер в двух шагах от нее. Молча поставил поднос на стол и уже развернулся, чтобы уйти. Но тут девушка сделала то, чего он никак от нее не ждал.

Глава 6

Инга сидела тихо, как мышь, пока этот странный мужчина к ней приближался. Его необычная походка моментально привлекла ее взгляд: слишком плавная, слишком осторожная, словно он двигался в толще воды. Это выглядело настолько пугающе, что девушка с трудом сдержала желание вскочить и с визгом забраться на шкаф. Или под кровать. Или еще куда-нибудь – лишь бы подальше от этого незнакомца, от которого веяло холодом.

По позвоночнику пробежала нервная дрожь, когда незнакомец остановился напротив нее. Инга не ошиблась, предположив, что он намного выше и мощнее любого земного мужчины. Только вместо лица на нее смотрела безликая маска, или защитный экран, похожий на провал черной дыры, по которому то и дело пробегали редкие всполохи.

Остановившись, мужчина поставил поднос на стол.

Инга нервно облизала пересохшие губы. Стоило ей попытаться разглядеть незнакомца, как в висках вспыхнула боль.

И все же она не могла допустить, чтобы этот тип снова ушел, ничего не сказав. Она должна знать, где находится и что с ее сыном. Хватит с нее этих прятков!

– Стойте! – Схватив незнакомца за рукав, Инга заговорила на космолингве. Она надеялась, что ее похититель знает этот язык или пользуется синхронным переводчиком. – Что здесь происходит?! Где я нахожусь?

Мужчина застыл. Медленно, стараясь не делать резких движений, он посмотрел на нее сверху вниз. На ее запрокинутое лицо с расширенными зрачками и губами, сжатыми так, что они побели от напряжения. На тонкие пальцы, которыми она вцепилась в ткань его рукава. Чуть нагнув голову, он заглянул ей в глаза.

Инга похолодела. Темное нечто оказалось пугающе близко. Так близко, что Ингу охватил приступ паники. Девушка резко отдернула руку и отшатнулась, забыв, что сзади стоит кровать. Не удержавшись на ногах, она плюхнулась попой на покрывало. В ее широко раскрытых глазах застыл ничем не прикрытый страх.

Мужчина не шевелился.

– Я слышу, как бьется твое сердце, ливарри, – произнес он ровным, бесстрастным тоном. – Ты напугана.

Это бы не вопрос. Это была констатация факта.

– Конечно, напугана! – пробормотала Инга.

Бесстрастный баритон незнакомца, тихий и властный, заставил ее задрожать. Этот голос лился из глубины темной маски и принадлежал тому, кто привык отдавать приказы. В нем звучала сила, от которой у девушки внутри все болезненно сжалось. А это странное слово “ливарри” – из какого оно языка? – всколыхнуло забытые воспоминания. Инга уже где-то слышала его. Кто-то когда-то называл ее так... Кажется, это было во сне...

– Вы можете объяснить, что здесь происходит? Где я нахожусь? Когда меня отпустят?

Ей показалось, что незнакомец недоволен ее словами. Она сама не знала, откуда это взяла, ведь его лицо было скрыто защитным экраном, который поглощал малейшие проблески света. Просто почувствовала на каком-то интуитивном уровне, как животное, которое чувствует настроение своего хозяина.

Но когда незнакомец заговорил, его тон оставался все таким же бесстрастным:

– Слишком много вопросов. Разве ты недовольна? Я воссоздал для тебя привычное окружение и даже пищу, – он кивнул на поднос. – Кажется, это одно из твоих любимых блюд.

Инга несмело перевела взгляд с него на тарелки. Там, если верить глазам, лежала цветная капуста, жареная в сухарях и щедро посыпанная тертым сыром. А еще ароматные, сочащиеся

жиром свиные ребрышки под острым соусом. Настоящие, не синтезированные. Их запах говорил сам за себя. Несмотря на приличную зарплату, такую роскошь Инга могла позволить себе только по праздникам. Все остальное время они с сыном ели витаминно-протеиновые заменители – дешевые, но питательные аналоги мяса и зелени.

А этот незнакомец кивнул на все это великолепие так, словно там лежала кучка дерьма.

– Откуда вы знаете, что я люблю? – ее голос дрогнул. – Кто вы?

– Я твой амон. Адмирал Аллард Сорн Дайлер, но ты должна обращаться ко мне амон Дайлер. Позже, возможно, я изменю это правило, если ты заслужишь мою благосклонность.

– Что? – Инга побледнела еще сильнее. Ее растерянный взгляд заметался по комнате. – Это программный сбой? Я все еще в вирт-реальности? Все еще сплю?

– Нет, – мужчина покачал головой. – Ты на борту тарианского линкора “Аламаут”, в трехстах световых годах от Земли.

– И... – девушка с силой сжала руки, чтобы не закричать. – Что я здесь делаю?

– Ты моя собственность.

Это было сказано абсолютно спокойно, словно речь шла о чем-то незначительном, а не о человеческой жизни.

– Бред какой-то, – Инга сжала ладонями виски и судорожно вздохнула. – Я не могу вам принадлежать. Я свободный гражданин Земного Союза. Вы не имеете права удерживать меня силой! К тому же землян нельзя вывозить...

– Хватит! – Короткое слово, брошенное ледяным тоном, прозвучало, словно удар хлыста. Инга отпрянула и невольно сжалась под взглядом амона. – Я не должен тебе ничего объяснять, но если ты настаиваешь... – Тарианец небрежно шевельнул пальцами, и в воздухе перед изумленной девушкой возникло трехмерное изображение аутентификационного файла, того самого, что выдавался всем клонам вместо личных документов. – Ты не землянка. Ты клон, созданный по спецзаказу. И если тебе нужны доказательства, вот, ознакомься.

Инга впилась в экто-грамму глазами. Это был стандартный документ, заверенный Земным Союзом. Только вместо номера серии в первой строчке – особый код, означающий, что она единственный экземпляр, и что дальнейшее клонирование оригинала запрещено.

Медленно, наивно пытаясь отсрочить неизбежное, девушка подняла правую руку и потерла запястье. На разогретой коже проявился тот самый код. Всего несколько символов, ставших клеймом. Пара закорючек, перечеркнувших прошлое и будущее.

Инга несколько секунд хватала ртом воздух, пытаясь осознать свое положение. Но разум отказывался принимать происходящее.

– Я – клон?.. – она ожидала узнать что угодно, только не это. – Но как? Почему? Почему я все помню, если я клон? Зачем мне оставили воспоминания?

У клонирования тоже были свои законы. Клонов выращивали ускоренным методом, внедряли им в сознание необходимые знания и умения, но прошлого не давали. У клонов не было ни семьи, ни детей, ни личной жизни. Ни, тем более, воспоминаний о них. Очнувшись впервые, клон не знал о себе ничего, кроме предназначения. А Инга совсем не ощущала себя человеком без прошлого. Наоборот, она не чувствовала себя клоном – бездушной игрушкой или рабом.

Она замолчала и замерла, машинально сжав кулачки и кусая губу.

Аллард тоже молчал, изучая ее лицо. Он не был готов к тому, что у этой земной ливарри окажется проницательный ум и столько вопросов, на которые он, в общем-то, не спешил отвечать.

Тарианские женщины не задавали вопросов, они принимали слова амона на веру, как, впрочем, и мужчины, которыми Аллард командовал уже несколько десятилетий. Это было правило номер один для любого тарианца: слова амона не подвергаются сомнению, его приказы не обсуждают, а задания выполняют неукоснительно, как бы чудовищно они не звучали. Потому

что амон – это не просто господин и хозяин, это наместник Создателя. Ему дана власть созидать и разрушать, и никто в здравом уме не захочет почувствовать на себе действие этой власти.

Но эта земная девчонка настырно ждала ответа.

Аллард знал: правда не облегчит ее положения, только навредит. Правда заставит ее искать выход, которого просто не существует. А опускаться до лжи он считал унижительным для себя.

– На это были причины, – он поморщился. Совсем не таким ему представлялось знакомство с ливарри. – Тебе их знать ни к чему.

– А что тогда мне положено знать? – Инге его ответ не понравился. – Зачем я вам?

– Как я уже сказал, ты моя собственность и находишься на борту моего корабля. Сейчас мы направляемся на Альфу Тариана. В мой дом. Там я представлю тебя своей семье как ливарри. Думаю, этой информации вполне достаточно, чтобы ты осознала свое положение.

Глаза Инги удивленно расширились. Судя по тону, тарианец считал, что она должна визжать от восторга, узнав о такой перспективе.

– Ливарри? – переспросила девушка, вслушиваясь в звучание смутно знакомого слова. Больше всего оно напоминало журчание ручья. – Это что такое?

– В вашем языке нет аналогов, – он небрежно пожал плечами, – так что вряд ли ты сможешь понять. Но что-то вроде суженой или избранной.

– Суженой? – девушка вскинула на Алларда ошарашенный взгляд, позабыв, что только что боялась его. – Вы что, хотите жениться на мне?

Она не видела, как изменилось его лицо. Темная маска надежно скрыла холодную улыбку, скользнувшую по губам тарианца.

– Жениться? – откликнулся он, будто эхо. Но пренебрежение, с каким он это сказал, не укрылось от девушки. – О, нет. На ливарри не женятся, как и на клонах. У тебя другое предназначение.

Какое именно – не нужно было и объяснять. Инга сама все поняла. Она знала, что при наличии денег любой может заказать себе репликанта в качестве сексуальной игрушки. Это намного престижнее и эксклюзивнее, чем развлекаться с андроидом.

Внезапная мысль заставила Ингу до боли сжать пальцы.

А может, этому типу нужен вовсе не секс? Может, он будет с ней делать то же, что и в «Тайных желаниях»? Ведь сознание человека и его репликанта – полностью идентичны. Но будет ли он так заботлив, чтобы каждый раз очищать ее память от лишних воспоминаний?

– К тому же у меня есть невеста, – продолжал Аллард, наблюдая за девушкой. От него не укрылось, как она нахмурилась при слове «невеста». – Благородная аamani императорских кровей, достойная моего имени.

– И... где же она сейчас? – Инга невольно оглянулась, ожидая, что за спиной появится пресловутая «амани». Но там была лишь стена.

– Послушно ждет меня на Тариане и готовится к свадьбе, как положено невесте амона.

– Так, подождите, – окончательно запутавшись, Инга вскинула руки ладонями вверх. – Значит, я клон? Ваша собственность?

– Да.

– Хорошо... – она потеряла виски, стараясь абстрагироваться от пульсирующей боли, которая не давала сосредоточиться на разговоре. – Тогда зачем это все? Эта комната, эта пища? Разве вам не все равно, что я ем?

– Все равно. Но ты нужна мне здоровой.

Эти слова были брошены сухим, небрежным тоном. Но Инга поверила им безоговорочно, в ту же секунду: ему действительно все равно. Она для него пустое место, и он дал ей все это не потому, что хотел заслужить ее доверие – оно ему ни к чему.

Он руководствовался не чувствами и не жадой удовольствий. Им руководил холодный расчет. Этому типу от нее что-то нужно, что-то такое, чего больше никто не даст. И он будет заботиться о ней, пока не получит то, чего хочет, как умный хозяин, который заботится о призовой суке, приносящей ему продистых щенят.

В тот момент Инга ощутила себя такой сукой – очень ценной, с кучей медалей, которую кормят и гладят лишь для того, чтобы она приносила доход.

Не зная, что ответить, растеряв все слова, она молча смотрела, как он уходит: спокойный и непробиваемый, точно окутанный невидимой сталью. Не мужчина, пусть и с другой планеты, а живое воплощение черной дыры. Холодный и бесчувственный. И это пугало больше всего.

– Да кто ты такой? – прошептала она непослушными губами.

Аллард был уже на пороге светящегося проема, когда ее шепот достиг его слуха. Обернувшись, он взглянул на девушку. Ее напускная самоуверенность слетела, как дым, когда на нее опустился немигающий взгляд амона. Сейчас адмирал видел перед собой перепуганную зверушку, попавшую в руки охотника-нгарга.

– Я твой амон, ливарри, – проговорил он, следя, как меняется ее лицо. – Ты можешь ненавидеть или бояться меня – это ничего не изменит. Забудь свою прежнюю жизнь. Я дам тебе новую.

Сердце девушки сжалось в недобром предчувствии. Побледнев, Инга опустила взгляд вниз, на бумажный цветок, все еще зажатый в руке. Ее пальцы медленно разогнулись, оставляя мятый цветок лежать на ладони.

– А... мой сын? – выдохнула она, все еще не веря в происходящее. – Где мой сын?

– Он остался со своей матерью.

Глава 7

Это кошмар.

Просто кошмар.

Она спит и вот-вот проснется...

Именно так Инга мысленно утешала себя все следующие дни, пока безмолвные высокие фигуры в серых комбинезонах что-то творили с ней. С ее телом. Они называли это адаптационным процессом, а она чувствовала себя подопытным кроликом, на котором ставят эксперименты.

Аллард сразу сказал, что ее не выпустят из прозрачной камеры, пока она не пройдет эту чертову адаптацию. Потому что ее тело не предназначено для той среды, в которой живут тарианцы. Ее легкие не смогут дышать их воздухом. Ее кровь закипит в их атмосфере.

Но она понимала, что дело не только в этом. Он изменял ее под себя и для себя.

Первые дни Инга пыталась сопротивляться, но это оказалось бессмысленно. Тарианцы не спорили с ней, не уговаривали и даже не применяли силу. Просто что-то брызгали ей в лицо из маленького баллончика – и она впадала в подобие транса. Ее тело превращалось в безвольный куль, но сознание оставалось ясным, и от ощущения собственного бессилия Инге становилось еще страшнее.

Она больше не сомневалась, что находится на космическом корабле. Однообразное гудение фотонных турбин и систем жизнедеятельности не давали забыть об этом ни на минуту. Ночи здесь были условными, как и дни. Едва вспыхивал верхний свет – знакомая спальня моментально испарялась, открывая ослепительно-белые стены лаборатории. В этой лаборатории стояло несколько капсул, напоминавших медбоксы, только более усовершенствованные. Ингу помещали туда. Подключали какие-то приборы, назначения которых она не могла понять. Что-то кололи. Брали анализы. Вливали ей в вены странную люминесцентную жидкость голубоватого цвета...

И все это без единого звука. Как будто им было запрещено разговаривать с ней.

У этих, в отличие от амона, лица были открыты. Инга смогла рассмотреть их в деталях. Да, они были чем-то похожи на людей, но их нечеловеческое происхождение бросалось в глаза: мертвенно-серый цвет кожи; раскосые глаза, похожие на два черных провала с красным серпиком зрачка, делившим их пополам; волосы тоже черные, жесткие на вид, заплетенные в длинные косы. Эти волосы напомнили Инге лошадиные гривы. А еще у тарианцев были необычные черты лица: плоский вдавленный нос с широкими ноздрями, широкие скулы и заостренный подбородок, делавший лицо похожим на перевернутый треугольник.

Инге они показались настолько отталкивающими, что она даже испытала благодарность к амону за то, что он не стал шокировать ее своим видом. Думать о том, какое уродство скрывается под его темной маской, совсем не хотелось. Зато теперь она знала, как выглядят тарианцы.

Аллард появлялся в лаборатории всего несколько раз. Всегда затянутый в лаконичную адмиральскую форму из плотной металлизированной ткани, с закрытым лицом и в перчатках. Словно для него считалось недопустимым показать хотя бы кусочек кожи. И эта скрытность тоже пугала.

Инга встречала его мысленным проклятьем и взглядом, полным ненависти. Она знала, что он постоянно наблюдает за ней, невидимый и беспристрастный. Чувствовала его режущий взгляд, даже когда его самого не было рядом.

Сначала она пыталась воззвать к его разуму, потом к милосердию. Потом к его гордости. Но он оставался равнодушен и к ее крикам о помощи, и к ее откровенной брани.

– Не стоит сопротивляться, – сказал он ей еще в первый день, глядя, как ее ведут к медбоксу, будто овцу на заклание, – ты сделаешь только хуже. Ты можешь пораниться, а я не хочу, чтобы ты пострадала.

– Так отпусти меня! – закричала она тогда, чувствуя, что вот-вот сорвется в истерику. Он покачал головой.

Потом, когда она уже лежала в медбоксе, пристегнутая ремнями и не в силах пошевелиться, он нагнулся над ней и несколько бесконечно долгих мгновений вглядывался в ее лицо, будто что-то искал. Инга тогда зажмурилась, потому что видеть над собой нависающее темное нечто вместо человеческого лица было невыносимо.

Она не видела, как он протянул руку, только почувствовала осторожное прикосновение его пальцев – холодных даже через перчатки – к своей щеке.

– Слезы, – пробормотал он, убирая руку. – Жемчужины света. Вы, люди, еще умеете плакать. Это проклятие низших рас и в то же время их привилегия.

Инга открыла глаза и успела увидеть, как он подносит туда, где должны быть губы, палец, на кончике которого блестит прозрачная капелька. И только тогда поняла, что беззвучно плачет.

– Твои слезы соленые, – в тоне мучителя слышалось удивление. – Вы все, люди, такие забавные?

Именно тогда она окончательно поняла, что они с разных планет, из разных миров. И просить его отпустить ее – бесполезно.

Говорят, человек такая тварь, что может выжить в любых условиях. Может выдержать любые удары судьбы, любую боль, любые потери. Приспособиться к любым обстоятельствам. Если его собьют с ног – он упадет, но спустя время непременно поднимется. Да, шатаясь от слабости, да, проклиная свою никчемную жизнь... Но будет жить дальше несмотря ни на что, если ему есть, ради чего дышать и встречать новый рассвет.

Человек это вирус, который пытаются уничтожить, а он адаптируется и выживает в любых условиях, когда у него есть цель.

У Инги эта цель была однозначно. Как бы она не пыталась принять окружающую действительность и то, что теперь она клон – это не отменяло материнский инстинкт, который не позволял поверить, что вся прежняя жизнь – всего лишь отголосок чужих воспоминаний.

Ингу тянуло к прошлому. Тянуло к сыну с невиданной силой. Слишком яркими были воспоминания, слишком острой – боль утраты.

Днем она еще пыталась держать эмоции под контролем, но стоило только закрыть глаза – и перед внутренним взором вставало, как наяву, родное личико сына. Она видела его голубые глазенки с застывшим в них по-детски наивным вопросом, его пронизанные солнечным светом кудряшки. Она постоянно слышала внутри себя его залиvistый смех, который отдавался в сердце болезненным спазмом.

По ночам воспоминания накатывали душной волной. От них невозможно было избавиться. И Инга беззвучно рыдала, вцепившись зубами в подушку, чтобы хоть как-то уменьшить боль, раздирающую ее изнутри.

Она все надеялась, что этот кошмар вот-вот исчезнет, и она окажется дома. Но каждый раз ее надежды разбивались о холодные камни реальности.

Инга потеряла счет дням. Они слились в бесконечный поток. А в те редкие мгновения, когда ей позволяли увидеть себя в зеркало, она со страхом и болезненным любопытством замечала все новые изменения в своей внешности. Сначала ее тело стало более сухим и подтянутым, кости более тонкими. Она сбросила несколько килограммов, хотя и до этого была достаточно

стройной. Даже черты лица изменились: скулы и подбородок заострились, глаза расширились, а губы, наоборот, стали меньше. Но это было только начало.

Спустя несколько процедур на коже появились странные голубоватые пятна, которые росли с каждым днем. Эти пятна чесались и горели, на них исчезали волоски, кожа становилась гладкой, словно отполированной. Молчаливые медики наносили на них бесцветный раствор из пульверизатора, который превращался в прозрачную пленку, и эта пленка облегчала невыносимое жжение.

А потом Инга заметила изменения глаз. Зрение не ухудшилось, скорее наоборот, но в один не очень прекрасный день ее глаза перестали быть человеческими. Сначала в уголках глаз появились фиолетовые разводы. Они постепенно увеличивались, становились все насыщеннее, темнее и, в конце концов, полностью затопили радужку и белок.

В день, когда это случилось, Инга, лежа в медбоксе, услышала такой разговор:

– Она полностью адаптирована, амон адмирал. Только волосы почему-то не изменились, но если желаете...

– Нет, оставь. Мне нравится этот цвет. Он напоминает мне Глаз Ратса – красного карлика в нашей системе. Я даже испытываю ностальгию по дому, глядя на них.

– Как скажете, амон адмирал.

Медик по имени Лертис ушел. Инга судорожно вздохнула, понимая, что осталась один на один со своим мучителем.

Аллард несколько секунд смотрел на нее, потом запустил руку ей в волосы и начал медленно перебирать, пропуская шелковистые пряди между пальцев.

– У тебя очень мягкие волосы, – услышала она его голос. Тон амона звучал задумчиво и отстраненно, будто мыслями он был где-то далеко, за сотни световых лет от этого места. – И длинные. Они похожи на шелк Таан-Ра. Мне нравится ощущать их в руках. Нравится, как они скользят между пальцев, гладкие и прохладные.

Инга задрожала, кусая губы.

Внезапно он резко посмотрел на нее и совсем другим тоном спросил:

– А ты, ливарри, что чувствуешь ты? Тебе нравится, когда я касаюсь тебя?

Это был риторический вопрос. Но тон, которым он был задан, заставил Ингу внутренне сжаться.

– Зачем вы делаете все это со мной? – прошептала девушка, ни на что не надеясь.

И почувствовала, как адмирал погладил ее кончиком пальца по щеке.

– Я бы хотел поступить с тобой иначе, ливарри. Поверь, мне это тоже не приносит особого удовольствия. Но иначе нельзя.

– Почему?

– Твое человеческое тело не приспособлено для жизни со мной. Ты слишком хрупкая. А я не хочу тобой рисковать.

– Но... я же клон... – Инга запнулась. Вот, опять он намекает на какие-то отношения. Она закрыла глаза. – Почему вы изначально не создали меня такой, как вам нужно? Я уже ничего не понимаю...

– Тебе и не нужно, ливарри, – он снова погладил ее. – Я позабочусь о твоей безопасности. Когда мы прибудем на Альфу, к твоим услугам будут лучшие слуги, лучшие учителя. Я хочу, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

– Вы так заботитесь о своей сексуальной игрушке?

Аллард почувствовал горечь в ее словах и помрачнел. Сказать правду сейчас? Нет, это слишком опасно. Он должен быть уверен в том, что доставит ее на Альфу в целости и сохранности.

– Я забочусь обо всех своих игрушках, – сухо произнес он. – Скоро ты сможешь выйти из адаптационной камеры, но твои передвижения по кораблю будут ограничены ради твоей собственной безопасности.

Эта адаптационная камера стала для Инги тюрьмой. Своеобразным террариумом, в котором ее держали, как неведомую зверушку. Каким-то способом тарианцы смогли полностью воссоздать ее спальню и личные вещи, но воздух здесь был прохладнее и суше, чем на Земле. А еще инфра-душ и утилизационный бокс отличались от тех, к которым привыкла Инга.

Но самым неприятным было то, что стены камеры по приказу амона меняли свою молекулярную структуру, становясь то прозрачными, как стекло, то плотными, как бетон. Даже стоя в капсуле инфра-душа Инга не могла быть уверена, что сейчас не окажется перед взглядом своего мучителя. Это не давало расслабиться ни на минуту.

И вот теперь он ей говорит, что она сможет выйти... Но, похоже, не слишком рад такой перспективе.

– Боитесь, что я вскрою аварийную капсулу и улизну? – не выдержав, Инга послала ему кривую усмешку.

– Не боюсь, – все такой же бесстрастный тон. – Капсулы закодированы, к тому же ты больше не человек. Если думаешь, что сможешь вернуться на Землю – забудь. Сама атмосфера этой планеты теперь для тебя враг номер один. Ты умрешь, не успев сделать и вдоха.

Он замолчал, давая понять, что разговор окончен.

Но Инга сознательно пропустила этот намек.

– Зачем вам клон с прошлым и памятью? – она должна докопаться до правды. – Почему мне не стерли воспоминания? Чтобы сделать пытку еще изощреннее?

На ее ресницах сверкнули злые слезы, и она резко вскинула подбородок вверх, чтобы скрыть этот знак слабости и поражения. Но одна слеза все же сорвалась.

Аллард проследил взглядом, как соленая капелька стекла по щеке девушки к подбородку, оставляя за собой влажный след.

Благородным амонам не пристало испытывать какие-либо чувства. Чувства – это атавизм, присущий отсталым расам и низшим кастам. А сердце амона должно быть свободно. Точнее, у него вообще не должно быть этого сердца. Только холодный рассудок, расчетливый ум, сила и власть.

А эта землянка заставила его усомниться в себе. В своей непогрешимости.

– Скоро узнаешь, – произнес он, отрывисто и резко поднялся. – Если выживешь.

Глава 8

На следующий день после разговора в лаборатории Инге принесли новую одежду.

Эта одежда отличалась от той, к которой привыкла девушка, и больше всего напоминала пеньюар из тончайшего белоснежного шелка.

Края этого пеньюара были оторочены яркой пурпурной лентой, к нему прилагался широкий кушак, полупрозрачная кружевная сорочка, тоненькие чулки, мягкие туфли без задников и что-то вроде плаща из серебристой струящейся ткани. Этот плащ был оснащен широким капюшоном и единственной застежкой-фибулой под горлом. Судя по просторному крою, он должен был лечь свободными складками и укрыть всю фигуру до пят. И никакого белья.

Инга недоуменно моргнула, когда три молчаливых мужских фигуры в одинаковой экипировке разложили одежду на ее кровати и развернулись, чтобы уйти.

– Это что? – пробормотала она, осторожно присаживаясь на краешек. Протянув руку, пощупала шелк. – Я должна это надеть?

Разумеется, ей никто не ответил.

Такое откровенное игнорирование одновременно и пугало, и раздражало. А еще злило.

– Эй! Я с вами разговариваю! – Инга стиснула ткань в кулаке. – И я знаю, что вы меня слышите!

Она хотела добавить еще что-то колкое и язвительное, но не успела.

Один из тарианцев странно посмотрел на нее, потом, моргнув, отвел взгляд.

– Приказ амона, – услышала Инга голос серокожего – хриплый и скрипучий, точно несмазанный механизм. – С этого дня вы должны носить одежду, полагающуюся вам по статусу.

Девушка поперхнулась собственными словами, которые не успели слететь с языка. Но отступать она не собиралась. Меньше всего ей хотелось, чтобы эти нелюди поняли, что она их боится.

– По статусу? – ее глаза сузились. – Простите за вопрос, а какой у меня статус? Что-то я запуталась в вашей иерархии.

Тарианец покачал головой:

– Я не уполномочен обсуждать это с вами.

– А кто уполномочен?

– Только амон адмирал.

– Что-то я даже не удивляюсь, – пробормотала она сквозь зубы, разглядывая одежду. – А трусы-то хоть можно будет надеть?

Инга грубила сознательно, надеясь под этой грубостью скрыть свою неуверенность. Что-то подсказывало: серокожие не причинят ей вреда, даже если она набросится на них с оружием в руках. Откуда пришла такая уверенность, Инга не знала, просто чувствовала – и все. Но в то же время проверять эту теорию не слишком хотелось.

– Нет, только это, – проскрипел тарианец.

Тихо выругавшись, Инга отдернула руку. Значит, она не ошиблась, думая, что нужна тарианскому адмиралу в качестве секс-игрушки. И «ливарри» – наверняка что-то вроде наложницы.

– Передайте вашему амону, что он сам может в этом ходить! – отчеканила она, твердо глядя в лицо серокожего. – А я останусь в том, в чем была.

– Не стоит утруждать моих людей не свойственными им обязанностями, – раздался знакомый прохладный голос. И на глазах у Инги одна из стен пропустила адмирала внутрь. Тарианцы низко склонились, увидев его. – На этом корабле все выполняют только мои приказы. – Он коротким жестом их отпустил: – Можете быть свободны, я сам разберусь.

Инга поежилась, почувствовав на себе изучающий взгляд, шедший из глубины темной маски. Каждый раз, когда он смотрел на нее вот так в упор, пристально и в то же время бесстрастно, ей казалось, будто он смотрит ей в душу и видит самые темные уголки, о которых она сама даже не знает. Под его взглядом она теряла всю свою напускную самоуверенность. Оставался лишь страх. И беспомощность.

– Почему ты не хочешь надеть одежду, которую я выбрал для тебя? – он небрежно кивнул в сторону кровати. – Тебе не нравится цвет?

– Мне в своей безопаснее, – пробормотала девушка, вжимаясь спиной в зеркальную дверцу шкафа.

– Это ложное убеждение. Все эти тряпки, которыми ты так отчаянно прикрываешься, всего лишь набор молекул, связанных между собой. Стоит мне захотеть – и эта связь распадется.

Он говорил спокойно, не повышая голоса, но в то же время было в его тоне что-то такое, что заставило Ингу задрожать и невольно закрыть глаза, чтобы не видеть, как он приближается к ней. Надвигается, как неотвратимая угроза. Нависает сверху, обдавая космическим холодом.

Она вздрогнула, ощутив его прикосновение. Он провел кончиками пальцев по ее скуле, потом спустился к линии подбородка, коснулся губ...

Его рука невесомо скользнула вниз, едва касаясь трепещущей жилки на шее и судорожно сжавшегося горла.

И еще ниже. К груди, которую скрывал скромный вырез футболки.

– Тебе стоит научиться слушаться с первого раза, – продолжал говорить тарианец. – Для твоего же блага. Все, за что ты цепляешься, чем пытаешься прикрыться – всего лишь предрассудки. Прими мою власть, перестань сопротивляться – и я освобожу тебя от них.

Ингу начал охватывать странный дурман. Ей казалось, что она сейчас сама распадется на атомы. Ее тело стало вдруг непослушным, чужим. Ноги бессильно подкосились, и девушка поняла, что медленно падает вниз.

Сильные руки подхватили ее, прижали к твердому телу, давая почувствовать его нечеловеческую мощь. Инга невольно охнула, уткнувшись носом в широкую грудь амона. Адмиральские нашивки неприятно царапнули ей щеку.

Аллард слегка приподнял ее, так, что ступни девушки беспомощно повисли в двадцати сантиметрах над полом.

– Видишь, – раздался над ее ухом все такой же бесстрастный голос адмирала, – я владею твоим телом, твоим сознанием. Я твоя неизбежность, ливарри. И бороться со мной бессмысленно.

Инга от неожиданности прикусила губу. Ее зубы, которые после трансформации стали более острыми, чем человеческие, прокусили тонкую кожу, и рот наполнился медным привкусом крови.

Медным!

Эти сволочи даже кровь ей изменили! Теперь она была грязного фиолетового оттенка, будто какой-то неумеха-маляр смешал синюю краску и красную, но не смог придать этой смеси благородный оттенок.

От злости Инга сжала зубы еще сильнее. Боль не позволит расплакаться перед этим чудовищем. Нет, она не покажет ему свою слабость. Не покажет свой страх.

– Вот, значит, зачем я нужна, – вскинув голову, девушка в упор глянула на темное нечто, нависающее над ней вместо лица. В этот момент ей хотелось видеть глаза своего мучителя, знать, что он чувствует. Ведь этот Аллард живой, не машина! Он должен чувствовать хоть что-то! Или он просто ходячая глыба льда? – А если я откажусь? Если я откажусь подчиняться тебе, что ты сделаешь? Убьешь меня? Или лучше мне самой умереть, чтобы не мучиться? –

в ее голосе появились новые нотки. Это была убежденность приговоренного к смерти. – Раз ты держишь меня здесь, как в аду...

Ей показалось, будто он вздрогнул. Его руки сжались сильнее, почти сминая ей ребра.

Девушка вскрикнула – и хватка ослабла.

– Я не позволю тебе умереть! – прорычал он таким тоном, что Ингу бросило в дрожь. – Даже думать не смей! Если умрешь – я буду воскрешать тебя столько раз, сколько потребуется. И поверь, я заставлю тебя пожалеть о сделанной глупости!

Инга не успела ни оттолкнуть его, ни отпрянуть.

Аллард крепко ухватил ее за затылок, обездвижив голову, а в следующее мгновение перед глазами девушки расплылась холодная мгла. И в этой мгле он обрушился на ее губы властным, требовательным поцелуем.

В первый момент она настолько оторопела, что даже не думала сопротивляться. Но уже в следующую секунду опомнилась и, наплевав на последствия, вцепилась зубами в язык амона. Это было единственное, что пришло ей в голову в этот момент.

Язык тарианца оказался бархатистым и теплым. Он мог бы доставить ей удовольствие. Мог, если бы Аллард поставил такую цель. Но он об этом даже не думал.

Боль от укуса адмирал воспринял как досадную помеху, как еще одну причину для наказания. Его ливарри заслужила урок, который он ей сейчас преподаст.

И снова лицо тарианца, скрытое защитным экраном, оказалось опасно близко. Но даже когда между ними остались лишь миллиметры – Инга не смогла рассмотреть, что скрывалось под этой странной завесой. Какой он, этот амон? Так же отвратителен, как его экипаж? Или еще страшнее?

Ледяной взгляд амона заставил ее гулко сглотнуть. Она не видела его глаз, но этот взгляд, казалось, был способен заморозить ее изнутри. Только тогда Инга поняла, что совершила ошибку. Закричав, она инстинктивно уперлась ладонями в плечи тарианца, толкнула, надеясь вырваться из его рук, но вместо этого адмирал с рычанием вдавил ее в стену.

Еще секунда – и губы Инги снова оказались в плену поцелуя.

Так ее еще никогда не целовали. Яростно, с нечеловеческим иступлением, с какой-то маниакальной жадностью. Этот сумасшедший тарианец будто наказывал ее за непослушание своим поцелуем. Инга именно так это и восприняла.

В его руках она вдруг почувствовала себя беспомощной жертвой, не способной сопротивляться. Не давая опомниться, Аллард грубо прижал ее к стене, удерживая на весу, в то время как его рот остервенело терзал ее губы. Его язык проникал внутрь так жестко и так глубоко, что Инга начала задыхаться.

Одной рукой, будто играючи, Аллард схватил оба ее запястья и буквально приковал их к стене над ее головой. Второй рукой властно сжал ее ягодицы. Он приподнял Ингу, вынуждая обхватить его ногами за талию, а потом вжался пахом в ее промежность и потерся, давая ощутить свое внушительное желание.

Девушка вздрогнула, когда он задел ее клитор. Ответная реакция собственного тела заставила ее испугаться. Слишком острым был ответ на почти невинное прикосновение!

Отчаяние придало ей сил, и Инга забилась с двойными усилиями, пытаясь вырваться из крепких объятий. Но это было лишь бессмысленное трепыхание бабочки, насаженной на булавку.

Оторвавшись от губ пленницы, Аллард начал мучительно-медленно покачивать бедрами, наблюдая, как меняется выражение ее глаз.

Инга сдалась уже через минуту, не выдержав чувственной пытки. Ее тело откликнулось так быстро и так откровенно, что сладковатый запах собственных соков ударил ей в нос. Она зажмурилась изо всех сил, чтобы не видеть этой бездонной черноты перед собой, которая заменяла адмиралу лицо. Невозможно было даже представить, что скрывается за этой пугающей маской. Инга прикусила израненную губу, надеясь сдержать постыдный стон, но это наивное сопротивление лишь подстегнуло мужчину.

Аллард шумно выдохнул, обдавая горячим дыханием нежную кожу пленницы, а потом хрипло пробормотал ей в ямку за ухом:

– Видишь, ливарри, даже твое тело подчиняется мне. Будь послушной – и это избавит тебя от многих проблем.

По спине девушки пробежала нервная дрожь.

Он прав. Небеса его раздери, но он прав! Этот инопланетный ублюдок сделал с ней что-то такое, что она потекла, едва он коснулся ее.

Инга отчаянно застонала, когда Аллард снова завладел ее губам. Его рука, не встречая сопротивления, проникла ей в трусики, и уже через секунду девушка начала содрогаться от острых эмоций.

Прохладные мужские пальцы, затянутые в тонкую кожу перчаток, заскользили по ее влажным складочкам. Они изучали их, гладили, будто невзначай, то касались чувствительных стенок входа, то набухшего клитора. И каждый раз беспомощная жертва жалко вскрикивала, сжимала бедра и мысленно ненавидела себя за эту слабость.

Инга не могла поверить своим ощущениям! Ей казалось, что она сходит с ума. Ее груди набухли и отяжелели, соски зудели, требуя ласки, между ног все сжималось в предательской истоме, а дрожащие бедра увлажнились. Никогда прежде она не испытывала подобного возбуждения, наоборот, ее мужу приходилось хорошенько потрудиться, чтобы ее завести. А теперь тело послушно плавилось в руках этого монстра, в то время как сознание, оставаясь все таким же ясным, билось в истерику.

Этот мужчина не человек, она даже не видела его лица, но он что-то сделал с ней. Что-то такое, что ее тело стало его послушной игрушкой.

Его голос – такой чувственный, низкий, с бархатной хрипотцой, от которой поджимаются пальчики на ногах – завораживал своим тембром настолько, что Инга уже не вслушивалась в слова. Этот голос задевал чувствительные струны внутри нее, распаяя еще больше. Доводя до безумия. В этот момент перестало иметь значение, что скрывается под его маской.

Инга всхлипнула и задышала чаще, когда его пальцы жадно проникли в нее. Аллард сделал несколько жестких толчков, заставляя тело девушки содрогнуться на грани оргазма.

Она вцепилась дрожащими пальцами в плечи мучителя. В голове все смешалось.

Где-то на периферии сознания еще маячила мысль, что нужно оттолкнуть этого ублюдка, закричать – сделать хоть что-то! Но вместо этого Инга сдалась. Обмякнув, упала ему на плечо, признавая себя побежденной. С ее приоткрытых губ сорвался едва слышный стон, как разрешение делать с ней все, что угодно.

Ей самой хотелось лишь одного: чтобы этот мужчина еще раз коснулся ее. Там, внизу. Всего один раз.

И в этот момент он ее отпустил!

Молча убрал руки, позволяя жертве скользнуть вниз на ватных ногах, а сам остался стоять, глядя на нее сверху.

Инга сползла на пол, зажимая ладошкой ноющую промежность. Ее растерянный взгляд заметался по комнате, пока одурманенный разум пытался сообразить, что же произошло.

Только что ее почти довели до оргазма. Вот так просто, всего лишь коснувшись в нужных местах. И она едва не потеряла контроль над собой, как последняя нимфоманка! Ощущения были настолько острыми, что она не могла им сопротивляться.

И в тот момент, когда ее тело уже готово было забиться на пике сладострастия – все кончилось!

Он ее отпустил!

Просто взял – и отпустил!

А теперь стоит и смотрит на нее, точно ждет, что она сделает дальше.

Будет просить продолжения?

Почему-то именно эта мысль пришла в голову первой, как только Инга смогла адекватно соображать. От физической неудовлетворенности внизу живота появилась неприятная тянущая боль. Но хуже всего были чувства, охватившие Ингу: смесь непонимания, унижения и душевной пустоты.

Этот тарианец своими действиями показал ей, что она для него просто вещь. Может быть, очень ценная, но все-таки вещь. Он будет обращаться с ней так, как посчитает нужным, а она даже не сможет сопротивляться.

– З-зачем? – прохрипела она искусанными губами. Ее непонимающий взгляд метался по защитному экрану амона, пытаясь отыскать в ней хоть проблеск эмоций.

– Если бы я захотел, я взял бы тебя прямо здесь и сейчас, – сквозь шум в ушах и биение сердца Инга услышала бесстрастный голос адмирала.

Будто это и не он вовсе только что прижимал ее к стене и хрипло шептал ей на ухо...

Протянув руку, Аллард ухватил девушку двумя пальцами за подбородок и заставил запрокинуть голову вверх. Инга почувствовала его взгляд – холодное лезвие скальпеля – который пылливо ощупал ее покрасневшее лицо.

– Ты не можешь сопротивляться мне, как бы тебе ни хотелось. Я владею не только твоим телом, но и твоими желаниями. – Его палец осторожно погладил ее по распухшим губам, вызвав короткий вздох. – В моем мире женщины учатся послушанию с детства. У каждой из них есть свои права и обязанности, и свое место рядом с мужчиной. Твоя обязанность – подчиняться. Твое место – по левую руку от меня. Но своим сопротивлением ты подрываешь мой авторитет. Это недопустимо.

– А что же насчет моих прав? Что мне позволено, о великий и ужасный? – Инга открыто съязвила, но Аллард сознательно проигнорировал этот выпад.

– О твоих правах поговорим позже, когда ты научишься подчиняться.

С каждым новым словом глаза Инги расширялись все больше и больше. Картинка понемногу начинала складываться в ее голове, но было еще слишком много отсутствующих частей, чтобы можно было понять весь масштаб той задницы, в которую ее занесло. Еще никогда она не чувствовала себя настолько униженной. Этот ублюдок довел ее почти до оргазма, заставил его хотеть, подчинил себе ее тело, а потом бросил, как кучку мусора!

Ну да, она же бесправный клон. Как можно об этом забыть? А ее мгновенная возбудимость – всего лишь последствие модификаций, учиненных этими серыми сволочами!

– В твоём обществе женщин не учат послушанию, – продолжал Аллард, задумчиво поглаживая ее губы, – поэтому твоим воспитанием придется заняться мне. То, что я сделал сегодня – твоё наказание. А теперь будь умницей и не доставляй мне хлопот. Надень хатсан, который я для тебя приготовил, и схети. Это традиционная одежда ливарри. В ней ты должна быть готова принять меня в любую минуту. И еще, – добавил после небольшой паузы. – Команде запрещено с тобой разговаривать. С этой минуты любого, кто увидит тебя без схети, или коснется твоей голой кожи – ждет смертная казнь. Не провоцируй экипаж, иначе мне снова придется тебя наказывать.

Наказать? Так это было всего лишь наказание?

Онемевшая Инга, не веря своим глазам, смотрела, как он, развернувшись к ней спиной, направился к ближайшей стене. Вот так просто, абсолютно невозмутимо, ни разу не оглянувшись на нее. И это в то время, когда она буквально кипит от ярости!

Неужели у нее нет ничего, чем она могла бы пробить этот бездушный панцирь? Или этот Аллард действительно робот?

Поднявшись на дрожащих ногах, Инга протянула руку к столу и зажала в ладони вазочку. Та была довольно увесистой, несмотря на скромный размер. Один взмах руки – и ваза полетела прямехонько в спину амона. Инга схватила шкатулку, чтобы сделать с ней то же самое.

Это было не нападение. Это был жест отчаяния. Жалкая попытка протеста.

Но даже она закончилась неудачно.

Не долетев до цели, ваза замерла в воздухе, будто воткнулась во что-то невидимое.

Инга похолодела, увидев, что тарианец тоже остановился. Очень медленно, не торопясь, он развернулся к ней. И в этот момент Инге почудилось, будто она видит его стальные глаза с легким прищуром, скрытые за темной завесой.

Взгляд амона пригвоздил девушку к полу, а в следующий момент мужчина предупреждающе покачал указательным пальцем. Так стыдят маленьких детей, но Инге от этого, в общем-то, безобидного жеста стало по-настоящему жутко. Голова на мгновение закружилась, на коже выступил липкий пот, а рука, только что сжимавшая шкатулку, онемела и повисла бессильной плетью. Шкатулка с противным стуком упала на пол, рядом с ногами.

– Разве я не сказал, не доставлять мне хлопот? – Аллард недовольно качнул головой. Но его тон остался все таким же хладнокровным.

– Да плевать на твои слова! – прошипела девушка, разминая онемевшую руку. Чувствительность очень медленно возвращалась. – Я не твоя собственность и никогда ею не буду!

– Ошибаешься. Очень скоро ты не сможешь даже дышать, если я не позволю.

– Это что, такая своеобразная пытка? – она постаралась вложить в свой взгляд побольше презрения. Должно же его хоть что-то пробить! – Довести девушку до оргазма и бросить? Так ты развлекаешься?

Инга на мгновение замолчала, ожидая его реакции. Потом округлила глаза, изображая наивное удивление, и с напускным сочувствием протянула:

– А-а, я, кажется, поняла, у тебя проблемы по мужской части, и ты таким образом компенсируешь свою неполноценность?

Она ожидала какой угодно реакции на свое оскорбление. Даже приготовилась, что он ударит ее.

Да, пусть ударит, чтобы она могла возненавидеть его еще больше!

Но вместо этого по черной маске мужчины скользнул странный блеск.

– Глупая, – в тоне Алларда, всегда таком холодно-бесстрастным, промелькнула легкая снисходительность. – Если бы кто-то другой посмел усомниться в физическом совершенстве амона, он бы уже не дышал. Но ты слишком ценная вещь, чтобы тобой рисковать.

Девушка вспыхнула до корней волос, понимая, что даже откровенное хамство не сможет пробить эту нечеловеческую невозмутимость. Но признавать свой проигрыш она не стала бы даже под страхом смерти. По крайней мере, в этот момент.

В этой стычке последнее слово должно остаться за ней!

– У нас с тобой разные понятия о риске и ценностях, – сжимая кулаки, крикнула она вслед тарианцу.

Но после того, как стена сомкнулась у него за спиной.

Глава 9

Отдав последние распоряжения пилоту, заступившему в ночную вахту, адмирал Сорн Дайлер вернулся в лабораторию. Здесь хозяйничал Лертис и его парни. Они собирали оборудование, чтобы отправить его в мед-отсек. Самое громоздкое уже было вывезено грузовыми ботами, от адаптационной капсулы не осталось даже следа, только белые светящиеся панели на стенах напоминали, что часть адмиральского сектора несколько дней использовалась не по назначению. Собираясь в этот рейд, Аллард не предполагал, что встретит свою ливарри, а потому и он, и его корабль оказались не подготовленными к ее приему.

Особенно он.

Если бы Аллард заранее знал, что эта землянка окажется такой...такой живой, что ли, кипучей и неукротимой, точно водородные гейзеры Тариана – это заставило бы его изменить свои планы?

Нет.

Он бы все равно сделал то, что сделал. Потому что не мог иначе.

– Амон адмирал, – увидев Дайлера, тарианцы застыли в почтительном поклоне.

– Лертис, – он кивнул врачу, – останься на пару сигнов. Остальные могут быть свободны.

– Вы хотели узнать что-то конкретное? – заговорил врач, когда команда покинула помещение.

– Ты очень проницателен. – Остановившись напротив Лертиса, Аллард сложил руки на могучей груди. – Но мне бы хотелось, чтобы этот разговор остался между нами. Поэтому прошу отключить ксанар.

– Если амон адмирал просит, значит, дело очень серьезное... – Кивнув в подтверждение своих слов, Лертис отключил ксанар личной связи. – Я вас слушаю.

– Со мной что-то не так. И я думаю, дело в ливарри.

Врач озабоченно нахмурился:

– Процесс адаптации завершился успешно, вы же сами видели. Девушка должна реагировать на вас.

– Она реагирует. Ее тело откликается на мои воздействия, здесь у меня нет претензий. Но она постоянно сопротивляется, даже зная, что это навредит ей самой. Ее сопротивление вызывает во мне странные ощущения. Я чувствую, что начинаю терять контроль.

Он замолчал, сверля врача пристальным взглядом.

– Простите, амон адмирал, – Лертис заблаговременно нагнул голову. – Я говорил, что это опасно. Земляне...

Аллард махнул рукой, обрывая его слова.

Да, его предупреждали, что будет непросто. Недаром же земляне – единственная разумная раса, в чьей разумности и безопасности уже много сотен лет сомневается все межгалактическое сообщество. Было время, когда их даже пытались причислить к классу особо опасных видов, которые нужно беспощадно уничтожать. Потом решили оставить в назидание другим расам, но покидать планету строжайше запретили, дабы зараза не разносилась по Вселенной.

Так что девушка, находившаяся на его корабле, по межгалактическим законам считалась не менее опасной, чем смертельный вирус, и не менее разрушительной, чем кварковая бомба.

Но от понимания этого почему-то не становилось легче.

– Я все знаю, не нужно мне повторять, – процедил Аллард сквозь зубы. Меньше всего адмиралу нравилось, когда его укоряли в ошибках. – Лучше скажи, ты можешь что-нибудь сделать с этим?

Лертис несколько мгновений молчал, раздумывая над ответом. Выход был, и он его уже предлагал, еще в самом начале, когда девушку только доставили на борт. Но тогда его амон отказался. И вряд ли согласится сейчас.

Но сказать это он просто обязан:

– Я бы рекомендовал полную очистку памяти.

По защитному экрану амона пробежал ослепительный всплеск энергии. Он длился сотую долю секунды, но его было достаточно, чтобы бортовой ксанар корабля зафиксировал несанкционированный выброс отрицательных частиц.

Да, бортовой врач предлагал принудительную очистку памяти, но Аллард сразу отмел его предложение. Он видел, что случается с теми, кто уже прошел эту очистку. Видел на примере своих родных. Одно дело – стирать искусственные воспоминания, полученные во время вирт-сна, а другое – всю память. Вместе с памятью стирается личность. Остается только безвольная оболочка, не способная принять сущность амона.

Да, так было бы проще для всех. Но не для него.

– Ты знаешь, что это невозможно, – отчеканил Аллард, возвращая себе хладнокровие. – Стерев ей память, мы сотрем её личность. Это не так легко, как удаление поверхностных псевдо-воспоминаний.

Лертис позволил себе с облегчением выдохнуть. Амон адмирал не уничтожил его на месте за дерзость, значит, все не так плохо.

– Но иначе вы подвергаетесь слишком большой опасности, – заговорил он, не забывая сохранять почтительный тон. – Если ее эмоциональный фон уже влияет на вас, то после слияния будет намного хуже.

Аллард на секунду прикрыл глаза, чувствуя правоту в словах Лертиса. Врач слишком хорошо знал его, чтобы нарочно преувеличивать опасность. Или преуменьшать.

– Чем мне это грозит? – спросил он чуть севшим голосом. Никто и не заметил бы, что адмирал Сорн Дайлер колеблется, но сам Аллард чувствовал в себе изменения, и они ему совершенно не нравились.

– Дисбалансом. Вы знаете это не хуже меня.

Да, и это он тоже знал.

Отвернувшись от собеседника, Аллард уставился невидящим взглядом в темный экто-экран. Там, за потухшей пластиной альбаринтового стекла, находилась его ливарри – женщина, которая может подарить ему полноценных детей, не теркхаев. Он был последним амоном Дома Сорн Дайлер. И сейчас ему предстояло сделать тяжелый выбор: рискнуть собой, практически своей жизнью, чтобы иметь возможность продлить свой род, или оставить эту затею и избавиться от землянки, пока ее пагубное влияние не разрушило его изнутри.

– Сколько у меня времени? – его голос прозвучал глухо и безжизненно.

– Меньше, чем хотелось бы. Скоро придёт плановый тест на стабильность. Если вы его провалите, самое меньшее, что вас ждёт – увольнение.

– Или принудительная стабилизация, – констатировал Аллард без всяких эмоций.

– Подумайте об этом. Девушка очень опасна, она для вас яд. И этот яд уже начал своё коварное действие.

Адмирал молча махнул рукой, показывая, что Лертис может идти. И тот, понимая, что его амону нужно побыть одному, покинул опустевший отсек.

Оставшись один, Аллард не сразу включил экто-экран. Ему нужно было подумать.

Он столько раз вступал в бой с превосходящим по силе противником. Столько раз выигрывал в этих боях! Но теперь все победы оказались перечеркнутыми появлением одной дерзкой землянки с волосами цвета красного карлика и глазами глубокими, как Тарианская впадина. Она ворвалась в его жизнь неожиданно-негаданно, нарушила привычный ход вещей, перевернула все с ног на голову и заставила его сомневаться.

Его! Адмирала Тарианского Звездного флота! Командующего эскадрой принца Онезиса! О таком не то что вслух сказать, даже подумать было опасно.

Тысячи лет назад амоны заполучили безграничную власть над материей и сверхдолгую жизнь, а вместе с ними и огромную власть. Они играли этой властью по воле чувств: любили, ненавидели, мстили – пока не уничтожили собственную планету. Тариан, когда-то бывший прекрасным садом, превратился в пылающий шар, вокруг которого уже сотни лет в железных Домах ютились остатки его детей.

Только после непоправимой ошибки выжившие амоны заключили особое соглашение. Оно предполагало добровольный отказ либо от всех душевных волнений, либо от внутренней силы. Аллард в свое время выбрал первый вариант. И теперь ему предстояло бороться с самим собой.

Его мысли снова вернулись к девушке. Точнее, он думал о ней с тех пор, как покинул сегодня утром. И все это время его преследовал ее остропрямый, пьянящий и возбуждающий аромат. Он будоражил чувства, сознательно похороненные много лет назад.

Аллард был уверен, что уже не способен что-то испытывать. Ведь с каждой новой инъекцией стабилизатора, назначавшейся каждые полгода, он все больше утрачивал эту способность. Как и другие амоны. Только логика, только разум, только холодный рассудок.

И вот теперь его внутренний мир был потрясен до самого основания одной рыжей бес- тией.

Шевельнув пальцами, адмирал включил экто-экран. Темная поверхность озарилась голубоватым светом, открывая фронтальный обзор на комнату девушки.

Он ожидал увидеть свою ливарри переодетой в тарианское платье, ведь у нее было достаточно времени, чтобы сменить свое нелепое одеяние из грубых искусственных нитей на белоснежный хатсан.

Но Инга осталась лежать на полу, где он ее и оставил, только скрутилась калачиком. На столе стояли три подноса с остывшими тарелками: завтрак, обед и ужин. Она даже не притронулась к ним.

Протест землянки был очевиден. Она решила заморить себя голодом.

Аллард сжал зубы, осаждавая вспыхнувший гнев.

Датчик, вышитый ей под кожу запястья, транслировал данные на экто-экран. Учащенное сердцебиение, слабый, нитевидный пульс, поверхностное дыхание, спазмы в желудке.

В его мире ни одна женщина не стала бы так над собой издеваться, тем более в угоду каким-то непонятым принципам. Но эта землянка отличалась от тарианок, с которыми он имел дело. Те были нежными, кроткими и покладистыми, как и положено женщинам. А в этой жил дух непокорства, и утреннее наказание лишь подстегнуло его.

Медленно выдохнув, адмирал освободился от лишних эмоций и перешел на молекулярное зрение.

Видят боги, ему не хотелось этого делать, но она сама напросилась! Он не врал, когда говорил, что ливарри очень ценна, но у него есть достаточно способов наказать ее, не прибегая к насилию.

Глава 10

Пленница вздрогнула, когда вся ее одежда внезапно распалась на атомы. От резкой прохлады кожа девушки покрылась мурашками, а в глазах на секунду мелькнуло недоумение. Неловко поднявшись на ноги, она огляделась. Потом, сообразив, что случилось, бросилась к шкафу и распахнула его.

Полки оказались пустыми, Аллард позаботился и об этом.

Девушка заметалась по комнате, ища, чем бы прикрыться, но кроме постельного белья и одежды, которую принесли тарианцы, в ее распоряжении не осталось ни одной тряпки.

– Зачем ты это делаешь?! – закричала она, швыряя подушку в стену. – Ты что, один из тех извращенцев, которым нравится издеваться над слабыми женщинами? Ловишь кайф, унижая меня?! Ах, да! – девушка горько скривилась. – Я же клон! Игрушка! Твоя личная собственность. Но знаешь, и у игрушек есть чувства!

Вслед за подушкой полетели предметы потяжелее. Она швыряла все, что попадалось под руку. Грохот падающих предметов почти заглушил ее гневный крик.

Но Аллард его услышал:

– Ненавижу тебя! Ненавижу! Лучше мне умереть, чем так жить!

Из динамика раздалось приглушенное рыдание.

Адмирал застыл у экто-экрана, сжимая руками край металлической консоли. В его ушах стояли страшные слова, брошенные женщиной, которую само Мироздание выбрало для него. Они продолжали звучать в его голове и отдаваться тупой болью в груди, даже когда она замолчала и упала плашмя на кровать. Он понимал, что она крикнула это в сердцах, но в то же время в ее голосе было столько искренности и надрыва, что сомневаться не приходилось.

Она действительно его ненавидит. Ненавидит страстно, отчаянно, даже не пытаясь эту ненависть скрыть.

А он не мог понять – почему.

Чисто логически Аллард понимал, что у этой девушки было прошлое, был ребенок, а он ее лишил всего этого. Но для него ее прошлое не имело никакой ценности, и он не понимал, почему она так отчаянно цепляется за воспоминания, вместо того, чтобы радоваться новой жизни.

Он знал, что ее так называемый муж – жалкий неудачник, бросивший свою женщину на произвол судьбы. А такие индивидуумы в его мире не имели права даже размножаться.

Знал, что ей приходилось себя продавать, чтобы выжить. Он был уверен, что она все это с радостью забудет, как страшный сон. Разве сын не должен напоминать ей о предательстве мужа? Так почему же она не хочет забыть о нем?

В его мире женщины не работали в принципе, даже у низших каст. Если тарианец не мог прокормить жену и детей – его лишали родового имени и отправляли на рудники или еще куда-нибудь, заставляя в принудительном порядке обеспечивать свою семью. А этой хрупкой девушке приходилось продавать свои чувства, свои эмоции – все то, что для его касты было недоступным сокровищем.

Он хотел дать ей новую жизнь, новых детей. Но она упорно цеплялась за прошлое, не давая будущему ни шанса.

Консоль под руками амона согнулась. Ногти со скрежетом прочертили глубокие борозды на металле. Воздух вокруг тарианца потемнел и сгустился. Воздушные потоки, точно живые, начали медленно закручиваться в спирали. Они были похожи на темные щупальца, и этих щупалец становилось все больше с каждой секундой.

– Внимание! – зазвучал под потолком предупреждающий голос бортового ксанара, чьи нейронные микроцепи соединялись с «Аламаутом» – искусственным интеллектом корабля. – Зафиксирована опасная концентрация негативной энергии!

Аллард прикрыл глаза, возвращая себе контроль над эмоциями. Отключился от всех воздействий извне. Только он, его сущность и амуэ, несущая по нервам разъедающий яд, называемый чувства.

Впервые в жизни ему пришлось приложить усилия, чтобы справиться с ними.

Шумно выдохнув, адмирал огляделся. Только теперь он понял, что едва не разнес помещение на атомы, а вместе с ним и большую часть корабля.

Что с ним сделала эта девчонка? Почему он так отреагировал на ее слова? Разве ему не все равно, что она думает или что говорит? Ему не нужны ее чувства. Достаточно тела.

А вот ее воспитанием придется заняться всерьез. Ливарри должна знать свое место. На сей счет тарианские законы были очень строгие: по правую руку амона – жена-амани, символ чистоты крови и величия рода, по левую – ливарри, вынашивающая его детей. Тихая и неприметная ливарри, умеющая подчиняться беспрекословно. В противном случае, Дом ее просто не примет.

Протянув руку, Аллард выключил экто-экран. Хватит. Лертис сказал, что землянка полностью адаптирована. Значит, он больше не будет ждать, пока она свыкнется с новыми обстоятельствами. В конце концов, ей придется смириться с ними. И с ним.

Пара слов, переданных по ксанару холодным, приказным тоном – и в дверях лаборатории вытянулся адъютант Таррис.

Аллард бросил в его сторону непроницаемый взгляд.

– Подготовь в моей каюте место для ливарри. С этого дня она будет жить там.

Сухие, отрывистые слова заставили адъютанта смутиться.

– Но... амон адмирал, это же против правил...

– Правила здесь устанавливаю я, – отрезал Аллард. – Выполняй.

– Слушаюсь.

Молодой тарианец спешно покинул лабораторию. Он был теркхаем, классическим примером связи чистокровного амона с наложницей низшей касты: красивый, но бесплодный и бесполезный, как тот бумажный цветок, который все еще стоял перед глазами Алларда. Таких теркхаев на «Аламауте» было достаточно: принц Онезис размножался со вкусом и фантазией, зная, что ни один из его потомков не будет обладать ни его силой, ни его долголетием. Он переживет всех своих сыновей, но из них выйдут отличные телохранители для его священной особы.

А вот дочери... Дочери от низших каст не рождались вообще. Здесь нужна была только ливарри, которую принц пока что не встретил.

Зато ее встретил он – адмирал Сорн Дайлер.

Экран личного ксанара вспыхнул входящим звонком.

– Дайлер, это правда – то, что я слышал? – на экране возникло лицо принца Онезиса, полускрытое капюшоном традиционного лилового сартра. Бледная кожа с голубоватыми росчерками амуэ, идеально правильные черты лица и холодные глаза, похожие на два осколка хрусталя, выдавали в нем чистокровного амона. А легкое свечение, окружавшее принца, говорило о неимоверной внутренней силе. – Ты собираешься взять свою ливарри до ее официального введения в Дом?

Принц Онезис был истинным представителем священной касты амонов, наследником Тарианского престола и единственным сыном императора Радария IV.

– Приветствую, Ваше Высочество, – Аллард отключил защитный экран и выдержал испытывающий взгляд принца. Оставаться в маске перед амоном императорской крови было верхом неуважения. – Таррис уже доложил?

– Ну, почему «доложил»? – принц хмыкнул, складывая домиком тонкие холеные пальцы с отполированными ногтями. – Ты же знаешь, мои мальчики не в состоянии что-либо скрыть от меня. Тем более такое вопиющее попрание наших вековых традиций и устоев.

Тут он был прав. Теркхаи Онезиса, как и любые другие теркхаи, были связаны со своим высокородным отцом ментальной «пуповиной», транслировавшей мысли в оба конца. Но управлял этой связью исключительно сам отец. Он мог отключать и включать ее по своему желанию. Мог использовать глаза и уши своих сыновей, внушать им желания и корректировать их поведение.

Это было естественной практикой среди тарианских амонов. Но именно поэтому Аллард за пятьсот с небольшим галактических лет своей жизни так и не обзавелся подобным «эскортом».

– Ваше Высочество, – он постарался сгладить резкость ответа, – Вряд ли мое скромное желание можно назвать попранием традиций и устоев, как вы изволили выразиться. Но я не вижу причин отказывать себе в этом.

– Адаптация еще не закончена?

– Закончена. Но поведение девушки нуждается в корректировке. Я бы хотел, чтобы остаток полета она провела в тесном контакте со мной.

– Знаешь, я даже не удивлен, – принц пожал плечами. – Земляне своевольные, легкомысленные и очень воинственные существа, не склонные подчиняться приказам. Если станет известно, что у нас на борту одна из них – разразится межгалактический скандал. Старики в Зале Совета боятся землян как огня и считают их жуткой заразой.

– Я все это знаю, – произнес Аллард, скрывая эмоции. – Но Мироздание выбрало ее для меня.

– Мне-то можешь не объяснять, – принц поморщился. – Лучше бы Мироздание выбрало для тебя беспроблемную абийянку.

– Я не в силах изменить этот выбор.

– Не в силах, – Онезис согласно кивнул, – но будь осторожен. Догма Амморана не делает исключений ни для кого. Если твоя ливарри зачнет до введения в Дом, ее ребенка не признает ни один из Высших Домов Тариана.

– Не стоит обо мне беспокоиться, Ваше Высочество. Я прекрасно знаю все пункты Догмы и не собираюсь их нарушать.

Принц подался вперед. В его льдистых глазах вспыхнуло предупреждение.

– Смотри, Аллард, ты сильно рискуешь. Я согласился прикрыть тебя, потому что знаю, насколько важна для тебя эта девчонка. Но прошу, сделай все правильно. Мне не хочется, чтобы тебя постигла судьба твоего отца.

Аллард застыл, чувствуя скрытую угрозу в голосе Онезиса. Тот сознательно надавил на больное место, проверяя, как отреагирует адмирал.

– Я все понимаю, Ваше Высочество, – отчеканил Аллард металлическим тоном, – и беру всю ответственность на себя.

Онезис несколько секунд вглядывался в бесстрастные глаза адмирала. Потом с проклятием откинулся на спинку кресла, в котором сидел.

– Вижу, ты все так же непробиваем, – проворчал с недовольством, под которым скрывалась почти отеческая забота. – Ратс с тобой, делай, что хочешь. Но помни: ты мой должник!

– Слушаюсь, Ваше Высочество, – на короткий миг Аллард склонил голову, традиционным жестом выражая смирение.

Когда он поднял взгляд, экран ксанара уже потух. Принц отключил связь.

Глава 11

Нервное напряжение последних дней наконец-то получило свой выход.

Инга рыдала взахлеб. Скрутившись калачиком на пустой кровати и подтянув колени к груди, она тряслась всем телом от внутреннего озноба, хотя температура в ее комнате была достаточно комфортной для человека.

От голода у нее кружилась голова и сводило желудок. Со стола доносились аппетитные запахи, но Инга сознательно запретила себе прикасаться к пище. Это был жест протеста: по-детски глупый, отчаянный и бессмысленный, но ей казалось, что это единственное, чем она сможет пробить ледяное равнодушие тарианца. Если бы она была ему безразлична, он бы не пытался так упорно ее подчинить!

Нарыдавшись вволю, Инга уснула. Как в яму, рухнула в глубокий сон без сновидений. Ее измученному организму нужен был отдых.

Очнувшись спустя какое-то время, она не сразу поняла, что происходит.

Сначала почувствовала тепло. Это тепло окружало со всех сторон, словно девушка лежала в мягком и прочном коконе с подогревом.

Открыв глаза, Инга изумленно вздохнула. Она действительно находилась в коконе из неизвестного материала, похожего на крепко взбитую пену. Его свод возвышался над ней на расстоянии полуметра и излучал слабое золотистое свечение, вполне достаточное, чтобы Инга смогла рассмотреть его пузырчатую поверхность. Основание, на котором она лежала, было упругим и теплым. А еще кто-то надел на нее штаны и рубашку из мягкой ткани.

Кто именно проявил такую заботу – сомневаться не приходилось. И судя по размеру одежды, тарианский адмирал пожертвовал пижамку с собственного плеча.

Странно, что просто не щелкнул пальцами, как он это умеет!

Повертев головой, девушка поняла, что выхода из кокона нет. Нигде не было видно ни единого зазора в сплошной золотистой пене. Чертыхнувшись, она протянула руку. И против ее ожидания, пальцы увязли в своде кокона, словно в желе. Только это желе было на ощупь сухим и теплым!

Удивленная девушка приподнялась, просовывая руку дальше, пока не почувствовала, что та прошла насквозь. И тут чьи-то крепкие пальцы, затянутые в перчатки, мягко, но уверенно сжали ее ладонь.

Инга вскрикнула и вскочила, головой пробивая слой пены, точно слой облаков.

Перед ее ошарашенным взглядом стоял адмирал. Как всегда в темной маске, загадочный и неприступный. И сейчас он крепко держал ее за руку.

– Ты проспала шестнадцать акронов, – произнес он обычным холодным тоном. – Кокон восстановил твои силы.

– Это что, вместо приветствия? – раздраженно пробормотала девушка, одновременно соображая, что акроны – это часы.

Инге не понравилось, что тарианец застал ее врасплох, но вместе с тем она с удивлением поняла, что действительно чувствует себя отдохнувшей и полной сил, как никогда.

Она попыталась вырвать руку из пальцев Алларда, но тот даже не пошевелился, чтобы ее отпустить.

– Может, ты отпустишь меня? – Инга еще раз подергала рукой.

Пальцы мужчины разжались так внезапно, что она едва не вскрикнула от неожиданности.

– Что это за штука? – буркнула девушка, кивнув на кокон, из которого теперь торчала по пояс. – Где я нахожусь?

Под напускной уверенностью в ее голосе скрывался страх.

– Это твой спальный кокон. Теперь ты будешь жить здесь. И если решишь впредь отказываться от еды, кокон будет восстанавливать твои силы иным способом.

Адмирал отошел, открывая обзор. И Инга почувствовала, как по телу побежали мурашки. Их было много – маленьких назойливых существ, которые устроили марш протеста по ее коже. Передернув плечами, девушка обвела открывшийся вид встревоженным взглядом.

– Здесь... это где? – выдавила с замиранием сердца.

Что-то подсказывало: ответ ей вряд ли понравится.

– В моей каюте.

Предчувствие не обмануло. Сердце Инги тоскливо сжалось. Вот оно... Началось...

Обхватив себя руками и пытаясь сообразить, что делать дальше, Инга рассматривала обстановку адмиральской каюты. Здесь был второй спальный кокон, в два раза больше того, в котором она сидела. Снаружи он выглядел как гигантское яйцо с плотной на вид скорлупой. В таком яйце с легкостью поместилось бы пять человек, не говоря уже об одном тарианце, пусть и двухметрового роста.

Само помещение было довольно просторным. Обстановка, не считая спального кокона – почти аскетичной: всего несколько предметов мебели, о назначении которых можно было только догадываться.

Зато две стены занимал панорамный экто-экран, транслировавший вид на космос с телескопических камер, расположенных на внешних радарах линкора. А еще здесь была дверь: герметичная, похожая на вытянутый и слегка вогнутый по центру овал.

Надо сказать, что и стены здесь были такой же вогнутой формы, а их материал – темный, с тусклым матовым блеском, напомнил Инге графит. От этих стен исходило странное излучение, сопровождавшееся легкой вибрацией на грани слышимости. Но девушка ощутила его всей кожей, и ей оно не понравилось.

– Что это? – нагнув голову, она прислушалась к тихому гулу.

– Это сенсатор, нивелирующий лишнюю амуэ.

– Чего? – Инга вскинула на тарианца ошарашенный взгляд.

– Я был слишком груб с тобой, это моя ошибка, – продолжал тот, будто не слыша ее вопроса. – Женщины моего мира не нуждаются в наказаниях, чего нельзя сказать о тебе. Но и ломать тебя я не хочу, это против наших традиций.

– Это что, извинения? – она сжала губы, сверля его подозрительным взглядом.

– Нет. Констатация факта. С этой минуты ты будешь жить со мной, чтобы привыкнуть к правилам и обычаям Тариана.

– А если я откажусь?

– Ты можешь отказываться, сколько угодно, но тебе некуда бежать с корабля. Не проще ли попытаться принять новые обстоятельства и научиться в них существовать?

– И зачем это мне?

– Чтобы попробовать стать счастливой. Скоро мы прибудем на Альфу. Я представлю тебя семье как мою ливарри, и только от твоего поведения зависит, как к тебе отнесутся женщины моего Дома. Особенно моя мать и будущая жена. Они не потерпят дерзости.

Не выдержав, Инга фыркнула и рассмеялась.

– Счастливой? – в ее смехе скользнули истеричные нотки. – Стать игрушкой инопланетного монстра – это, по-твоему, счастье? – она осеклась, а потом воскликнула с негодованием, сжимая кулачки: – Господи, да тебя ждет невеста! Невеста!!! А ты тащишь в дом клона! Зачем? У тебя есть хоть какие-то чувства, или тебе вообще все равно?

Вибрация, исходившая от стен, стала сильнее, воздух буквально наполнился ею, будто слабыми разрядами тока, но Инга этого не заметила. Не заметила и того, как напряглись плечи адмирала, как по его темной маске замелькали лиловые всполохи. Вместо этого она продолжала выплескивать на него то, что накопилось внутри:

– Бездушный, холодный ублюдок! Ты вообще хоть что-то испытываешь? Или у тебя совсем нет сердца? Понимаешь, что я тебя ненавижу? Или тебе все равно, что я думаю о тебе...

Договорить она не успела.

В мгновение ока тарианец пересек разделявшие их пару метров и с жутким рычанием опрокинул Ингу в спальный кокон.

Охнув, девушка протаранила спиной мягкую поверхность яйца и упала навзничь, а над ней каменной статуей завис адмирал, удерживая свой вес на вытянутых руках. Верхняя часть кокона сошлась над его головой, замкнув их в едином пространстве.

Это было так неожиданно, что Инга не сразу сообразила, что делать. А когда поняла – уперлась руками в его плечи, попыталась толкнуть, забарахталась, попискивая от страха, но это было все равно, что пытаться сдвинуть скалу. Мышцы на предплечьях тарианца вздулись от напряжения, их было заметно даже через ткань рукавов. И девушка с ужасом увидела, как одна его рука тянется к виску.

О, Небо, он решил показать ей лицо?..

Инга вдохнула, набирая побольше воздуха, а потом изо всех сил зажмурилась.

Видеть то, что скрывается под этой маской, было выше ее сил.

– Арайя... – голос Алларда звучал так же хрипло, как и в тот раз, в камере, когда он наказывал ее за непослушание. Он нагнулся и потерся о ее щеку своей – сухой и немного шершавой, а еще – очень горячей. Слишком горячей для обычного человека.

Инга замерла, почти не дыша.

Арайя – случайно ли он назвал ее так? Что бы это слово ни означало – нежность, с которой он его произнес, заставила что-то сжаться внутри.

Девушка шевельнула веками, собираясь открыть глаза, но Аллард тут же положил сверху ладонь, затянутую в перчатку.

– Ш-ш-ш, – услышала Инга его тихий шепот, – я не хочу, чтобы ты это видела. Еще рано.

– Тогда почему...

Она хотела спросить: почему ты снял маску?

Но Аллард снова не дал ей договорить.

Его губы – твердые, теплые и сухие – прикоснулись к ее. На этот раз осторожно, изучающе, будто прощупывая неизвестную почву. Не было ни прежней жадности, ни грубости, ни давления. Только мягкость и ласка.

И Инга, сама не зная, что на нее нашло, невольно откликнулась на эту ласку. Выдохнула и расслабила губы. В конце концов, она была просто женщиной. Она устала бороться и хотела всего лишь немного тепла.

Но вместо того, чтобы воспользоваться приглашением, тарианец уткнулся носом ей в шею и судорожно вздохнул, содрогнувшись всем телом, будто испытывал сильнейшую боль.

Не понимая, что происходит, девушка несмело положила руки ему на плечи. Ей вдруг стало страшно от того, что такой большой и сильный мужчина борется с собой у нее на глазах и, судя по всему, проигрывает поединок.

– Прости, – глухо произнес он, поднимаясь. Руки девушки безвольно упали с его плеч. – Этого больше не повторится. По крайней мере, в ближайшее время.

Инга открыла глаза сразу, как только его ладонь перестала их закрывать. И не смогла сдержать разочарованный вздох: лицо Алларда снова скрывала непроницаемая темная маска. И на этот раз она была безликой и бесстрастной, как и ее хозяин – ни всполоха, ни всплеска.

– У тебя есть несколько акронов, чтобы освоиться здесь, – заговорил он ровным голосом, будто ничего не случилось, и отошел от нее на приличное расстояние. Инга продолжала недоуменно хлопать ресницами, пытаясь осознать, привиделся ей поцелуй или нет. – Я настроил внутренний интерфейс сектора на тебя. Прикоснешься рукой к любой поверхности – датчики считают твой личный код и решат, пускать тебя или нет. Свое спальное место ты уже видела,

это, – Аллард указал на одну из стен, не занятых экранами, – неф. В нем все твои новые вещи. То, что носят женщины моего Дома. Выбирай, что тебе по душе. Очистительный бокс слева. Я сделал второй для тебя, поскольку в моем мире женщины и мужчины не пользуются совместным. И еще... – он на секунду замолк, сверля ее пристальным взглядом, – ты можешь выходить из каюты, но площадь твоих передвижений ограничена моим личным сектором.

Инга пожала плечами.

Пока Аллард говорил, она сумела взять себя в руки и даже принять решение.

Что ж, поскольку вариант бежать отсюда сломя голову, все равно куда, лишь бы подальше, отменяется в связи с невозможностью выполнения, надо срочно искать другой. И первое, что приходит на ум – сменить тактику.

Однажды этот корабль где-нибудь приземлится! И к тому моменту она должна быть готова. Должна добиться, чтобы этот инопланетный ублюдок начал ей доверять. Пусть думает, что она смирилась с судьбой, это усыпит его бдительность. Вот тогда у нее появится реальный шанс сбежать.

А как завоевать доверие мужчины? Правильно, поддаться ему. История знает тому кучу примеров.

В конце концов, ей уже двадцать шесть, она давно не девственница и была в ситуациях похуже, чем эта. Она выжила на пыльных улицах Города-302, не свихнулась в "Тайных желаний", и только здесь почему-то ведёт себя, как последняя истеричка.

Давай, Инга, вытри сопли и соберись! Вспомни, что ты женщина, а не размазня.

– И я буду сидеть здесь одна, пока тебя нет? – Инга попыталась изобразить улыбку, но губы отказывались повиноваться. Одно дело – принять решение, другое – осуществить его.

Сев, она подтянула колени к груди и обхватила руками.

– На корабле нет женщин, чтобы составить тебе компанию.

– А мужчины?

– Это недопустимо. Ты можешь находиться в мужской компании только в моем присутствии, – отчеканил Аллард холодным тоном. Но Инга уловила всплеск какой-то эмоции. Неужели этот кусок льда способен на ревность? – Но ни один мужчина не будет с тобой говорить, если я не дам на то разрешения.

– Ясно, – она с напускным безразличием пожала плечами. – Высшая раса, а туда же: сплошной шовинизм.

– Ты не должна употреблять слова, аналогов которых нет в моем языке.

– Но ты же употребляешь. Что такое арайя?

Ее неожиданный вопрос заставил тарианца застыть. Инга увидела, как его руки сжались в кулаки. Потом перевела взгляд на темный экран, закрывавший его лицо. Кажется, она уже начинала понимать его эмоции по тем странным всполохам, что мелькали на нем.

Но сейчас защитный экран был похож на мертвый провал.

– Это устаревшее слово. Оно не переводится.

Глава 12

Адмиральский флагман не был предназначен для пассажиров. Он шел в голове эскадры, защищая «Сиберион» – роскошный лайнер принца – от возможного нападения спереди. Но как старшему по званию, Алларду полагался целый сектор под личные нужды. Сектор размером с небольшой городок.

Здесь были и личная оранжерея, производящая кислород в нужном количестве, и бассейн с пресной водой, в которой плавали живые светящиеся жемчужины с Морруана. И даже небольшой зверинец, наполненный экзотическими животными с разных планет.

Все это Аллард обещал показать своей пленнице, взяв взамен слово, что та больше не будет морить себя голодом.

Голосом маленькой девочки Инга пообещала вести себя хорошо.

Но на тарианца ее скрытая ирония не произвела ни малейшего впечатления. Казалось, он вообще не способен воспринимать ни издевки, ни шутки.

Оставшись одна, Инга сделала то же самое, что сделало бы большинство женщин на ее месте. Первым делом она вылезла из кокона и направилась к нефу.

Аллард не обманул: стоило прикоснуться ладонью к поверхности стены – и часть ее с легким шелчком отъехала вбок, открывая внутреннее пространство, заполненное переливающимся шелком, блестящим атласом, тонко выделанной кожей и мехом.

Инга на мгновение потеряла дар речи. Такого великолепия она даже во сне не встречала, не то что в реальности. На Земле давно уже не осталось ни шелкопрядов, ни хлопка, ни льна. А здесь, на военном тарианском корабле, хранилось целое сокровище! Натуральные ткани с разных планет, да такие, которым и цены нет!

И как после такого сдержаться?

Не выдержав, Инга сжала в руках подол палантина из серебристого с белыми разводами меха и со вздохом зарылась в него лицом.

Мех сибиллы – маленькой, юркой хищницы, живущей в ледяных горах Артрана, где воздух настолько разряжен, что только сами артранцы, способные выживать в космическом вакууме, могут его добывать! Безумно дорогой и роскошный. Он струился между пальцами шелковистой прохладой, ласкал лицо мягкими ворсинками, а Инга все стояла, вдыхала его аромат и не замечала, как по щекам бегут слезы.

Когда-то они с Тимом ходили на выставку редких животных. Там была и сибилла, похожая на горноста, только с четырьмя передними лапками и раздвоенным пушистым хвостом, который оказался в три раза длиннее самого тельца. Именно из хвостов сибиллы и шили одежду. Гид – прилизанный андроид-блондин последнего поколения – слащавым голосом зачитывал текст. Притихший Тим сначала молча разглядывал инопланетного зверька, потом подергал Ингу за рукав и сказал:

– Мам, когда я вырасту, я куплю тебе шубу из сибиллы. Будешь её носить?

Тогда к ней обернулись все, кто стоял рядом. Кто с улыбкой, кто с удивлением.

Один из мужчин даже заметил назидательным тоном:

– Молодой человек, это очень смелое утверждение. Не стоит давать опрометчивых обещаний, особенно матери.

– Конечно, сынок, – она поспешила потрепать сына по макушке, и он, испугавшись чужого внимания, уткнулся лицом ей в подол.

Как теперь она сама в этот мех.

– Черт, – оторвавшись от намокшего палантина, Инга резко отерла слезы и в последний раз хлюпнула носом.

Потом огляделась.

Говорила же себе, что больше не будет плакать! Почему же тогда так тяжело справиться с накатившей тоской? Ведь у клона не должно быть таких глубоких переживаний! Клонам просто не о чем переживать.

Она мысленно отругала себя.

Хватит вспоминать прошлое, которое ей не принадлежит. Аллард прав, нужно подумать о будущем. И если она хочет, чтобы это будущее у нее было, она сделает все, чтобы сбежать с этого корабля. Соблазнит этого гребаного тарианца и сбежит! Даже если для этого придется лечь под него!

Злость будет лучшей подругой, нежели жалость к себе.

Злость сделает ее умнее, циничнее и хитрее.

Стиснув зубы, Инга содрала с себя одежду. Переступив через нее, она направилась в очистительную камеру. Тут ее ждал еще один сюрприз.

Зеркало. Точнее, зеркальные стены.

Серебристая отполированная поверхность отразила ее во весь рост. От неожиданности девушка так и застыла на пороге, разглядывая себя.

Длинная, тонкая. Кажется, даже подросла сантиметров на десять, если только такое возможно. Волосы-то уж точно подросли: если раньше еле закрывали лопатки, то теперь спускались до самой талии непокорной рыжей волной. Это были единственные волосы на ее новом голубокожем теле, если не считать ресниц и бровей.

Что еще изменилось?

Грудь стала больше и тяжелее. Соски – крупнее. При узкой и длинной талии – бедра раздались вширь, а плоские прежде ягодицы приобрели соблазнительные округлости.

По губам Инги скользнула усмешка, полная горечи. Если раньше она была обычной девушкой, не красавицей, но и не уродиной – обычной, каких миллион, то теперь превратилась в игрушку для секса.

Она провела рукой по плоскому животу. И тут же развилка между бедер отозвалась сладким томлением.

Вот даже как... Они повысили ей чувствительность кожи.

Где-то внутри она уже знала об этом. Знала еще в тот момент, когда Аллард едва не заставил ее кончить. Значит, вынужденная связь с ним не будет, по крайней мере, болезненной. Это уже кое-что.

Она коснулась сосков – и они тут же превратились в два твердых камешка, настойчиво требующих мужского внимания.

Последний оплот. Инга развела ноги и коснулась себя в святая святых. Да, здесь уже было мокро.

Что ж, ей не придется сильно стараться, чтобы изображать удовольствие. Хоть с этим не будет проблем.

Она переступила бортик инфра-душа, удивленная его странным дизайном, но когда прозрачная стена за спиной закрылась, вместо красных лучей сверху брызнули струи воды. Настоящей воды, насыщенной озоном!

Онемев от изумления, Инга подняла голову вверх, подставляя лицо под теплые струи. Вода была ценностью, она была жизнью. Планеты, на которых ее было вдосталь, продавали драгоценную жидкость за баснословные деньги. К ним относилась и старушка Земля. Но на космических кораблях воду использовали только по назначению – для еды и питья. А тут – целый душ!

Сколько он будет литься?

Инга стояла так долго, что у нее затекли ноги, а вода все не заканчивалась. И даже температура ее не падала, хотя никаких выключателей или регуляторов девушка не нашла. В конце

концов, ей надоело, и она коснулась запотевшей стенки с внутренней стороны. Та послушно отъехала, выпуская наружу облачко пара. И едва это произошло – поток воды резко иссяк.

Внезапная мысль заставила Ингу броситься во второй душ, предназначенный для адмирала. Но здесь ее ждало разочарование. Он даже не захотел открываться.

Ах, да, тарианец же предупредил, что у них мужчины и женщины не пользуются совместными санузлами.

Немного разочарованная, Инга вернулась к нефу. Она выбрала один из хатсанов, а к нему и нижнюю рубашку. Подумав, сунула ноги меховые туфельки без каблуков. Одежда оказалась легкой, дышащей и комфортной, чего девушка не могла не заметить. А туфельки сели по ноге, как влитые. И это тоже наводило на размышления.

Хотя, надо отдать должное, в каюте адмирала было напольное покрытие, по которому оказалось очень приятно ходить босиком.

Помывшись, одевшись и заплетя волосы в незатейливую косу, Инга приготовилась ждать.

Этот тарианец еще не знает, с кем связался! Даром, что ли, все десять галактик боятся землян?

Ожидание затянулось.

Инга даже не представляла, как это нудно – ждать в одиночестве мужчину, от которого хочешь сбежать.

Вот ведь парадокс: она искренне ненавидит его, считает виновником всех своих бед (надуманных и настоящих) и в то же время ждет с замиранием сердца.

А это все? Роскошная одежда, меха и душ с настоящей водой – как это воспринимать? Он подготовил это все для нее? Но как?! И зачем?

Голова шла кругом от этих вопросов. У Инги было достаточно времени по тысяче раз обдумать их все. Оставшись один на один со своими мыслями, она в какой-то момент обнаружила, что ей даже жаль тарианского адмирала, которого она собиралась обвести вокруг пальца. Но она тут же засунула эту жалость куда подальше.

Никакой жалости к врагу! А этот тарианец – враг.

Она уже обследовала всю каюту, заглянула в каждый угол, простучала все стены на предмет тайных ходов и перемеряла всю одежду из нефа, когда, наконец, дверь каюты тихим шорохом отворилась. На пороге возникла высокая фигура. И снова, уже в который раз, Инга не смогла не отметить его широченные плечи.

Кто там знает, что у него с лицом, но фигура просто отменная.

Глава 13

Остолбенеv от изумления, Аллард застыл на пороге. Картина, открывшаяся его глазам, казалась плодом разгулявшегося воображения – не иначе.

Посреди каюты на пол был брошен меховой палантин, а на нем, утопая в роскошном мехе, лежала Инга, подперев подбородок руками и скрестив кверху ножки с босыми пяточками. Ее хатсан задрался, обнажив бедра. Шелковый подол обтянул ягодичи так, что не заметить эти две округлые выпуклости мог бы только слепой. Полы хатсана, стянутые кушаком, слегка разошлись, открывая соблазнительную тень между грудей и кружево нижней сорочки. Одна туфля лениво покачивалась, чудом удерживаясь на пальчиках правой ноги. Вторая сиротливо валялась рядом.

Казалось, приход адмирала застал землянку врасплох. Будто она только что разглядывала скопление звезд на экто-экране, а теперь ее взгляд обратился к вошедшему. И это был взгляд женщины, оценивающей мужчину.

Он увидел, как она медленно, почти нехотя, мазнула взглядом по его маске. Перевела взгляд ниже, на плечи и грудь, зятянутые в адмиральский китель. Опустила ресницы – и Аллард почувствовал, что она смотрит ему ниже пояса: молча, бесстыдно и вызывающе.

Тарианца бросило в жар. Кровь ударила в голову, зашумела в ушах. Все слова, которые он приготовил, которые обдумывал, пока шел сюда, перестали иметь значение. В один миг весь мир сузился до одной соблазнительной женской фигуры.

Ее поза, ее взгляд... Разве это не приглашение?

Ни одна тарианка не смела смотреть на мужчину так откровенно! Даже когда он входил к ней в покои!

Вслед за волной жара по телу прокатилась отрезвляющая волна холода, заставив поморщиться от резкого спазма в груди. Аллард машинально ухватился рукой за проем, чтобы удержать равновесие.

Чувствуя, как его бросает то в жар, то в холод, он на секунду прикрыл глаза. Глубоко вдохнул, восстанавливая эмоциональный баланс. И снова, в который раз, порадовался защитному экрану на лице.

Глупая девчонка ходит по краю и даже не знает об этом. Думает, с амоном можно играть?

– Одежда наших женщин тебе идет, – сухо констатировал он.

– Это комплимент? – она попробовала легкомысленно улыбнуться, но улыбка вышла слишком натянутой, что не укрылось от взгляда амона.

– Нет. Комплимент это лесть. Мне нет нужды льстить тебе.

Инга нахмурилась. Слова тарианца сбили ее с толку. Что он хотел сказать? Что она слишком красива для комплиментов, или что он слишком равнодушен к ней, чтобы льстить?

Но надо было возвращаться к намеченному плану. Поэтому она шевельнула плечиком, намеренно позволяя хатсану соскользнуть с него.

Взгляд тарианца моментально прикипел к тоненькой кружевной полоске, выделявшейся на гладкой коже ливарри. Обнаженное плечико девушки показалось Алларду таким незащищенным и хрупким, что тут же возникло желание коснуться его губами, вдохнуть аромат этой кожи, ощутить ее гладкость...

У тарианок плечи были немного шире и не покатыми, как у этой, а прямыми. Но примесь сероватого цвета в коже ливарри говорила о ее низком происхождении. У чистокровных аmani кожа была благородного бледно-голубого оттенка. Чем выше происхождение – тем бледнее кожа, тем больше в ней чистого и незамутненного голубого сияния. Чего не скажешь о низших кастах. У тех кожа была грубой, шершавой и пепельно-серой.

Аллард заставил себя перевести взгляд с обнаженного плеча на лицо девушки. И тут же понял, что зря это сделал.

Инга слегка приоткрыла пухлые губы и, будто невзначай, скользнула по ним язычком, не спуская глаз с тарианца.

– Я немного проголодалась, – произнесла она хриплым, грудным контральто, но в ее тоне не было ни намека на еду. Она подразумевала голод иного рода. – Тебя не было слишком долго.

Аллард снова окаменел. Его сердце глухо ухнуло, обрываясь. Перед глазами на секунду стало темно, а вся кровь прихлынула к паху, напоминая, что даже Высший амон всего лишь мужчина.

Он резко сжал кулаки. Твердые ногти впились в ладони, проникая сквозь плотную ткань перчаток.

Эмоции. Они превратились в неудержимую волну, которая росла и росла, обещая вот-вот погрести его под собой. Казалось, еще мгновение – и он сорвется. Даст себе волю, позабыв о ратсовых правилах. Опрокинет навзничь эту девчонку, не понимающую, что творит, сорвет с нее одеяние, которое больше показывает, чем скрывает, и...

Гудение сенсонатора стало громче, напряжение наполнило воздух. И Аллард почувствовал, как волна эмоций медленно отступает, давая ему возможность ненадолго расслабиться.

Глупая ливарри даже не представляет, что играет со смертью.

– Ты поешь, как только я приму душ, – отчеканил он ледяным тоном. – А пока надень схети. Без него ты не можешь показаться на глаза экипажу.

Больше не глядя на девушку, Аллард прошел к капсуле инфра-душа, коснулся ее, и матовая стенка отъехала вбок, открывая внутреннее пространство.

Взгляд Инги из вызывающего стал настороженным, когда тарианец, повернувшись к ней спиной, начал неторопливо расстегивать магнитный пояс, скреплявший между собой верх и низ адмиральской формы. Неужели он решил раздеваться прямо при ней и она, наконец-то, увидит его лицо?

Через пару секунд пояс с глухим стуком упал тарианцу под ноги. Вслед за поясом опустился китель, звякнув застежками. Аллард повел плечами, разминая могучие мышцы.

Взгляд девушки буквально прожигал его спину, затянутую в рубашку из плотной металлизированной ткани с высоким, глухим воротником. Этот воротник настолько плотно прилегал к маске, что Инга не могла рассмотреть ни единого кусочка кожи между ними. Казалось, что под этой маской и одеждой вообще нет никого – только дым, который развеется, стоит лишь сорвать с его лица защитный экран.

Аллард чувствовал ее напряжение, которым был пронизан воздух в каюте. Здесь, под защитой сенсонатора, он мог не переживать о собственных эмоциях, но при этом эмоции девушки стали восприниматься намного острее. Он ощущал их каждой клеточкой тела: ее страх, ее недоверие, ее глубоко скрытый чисто женский интерес. Кажется, о последнем она пока даже не догадывалась.

Он позволил себе усмехнуться: интересно, чего она ожидала? Что он предстанет перед ней, как в первый день бытия? Что ж, придется немного разочаровать любопытную ливарри.

Магнитные крепления на голенищах сапог автоматически раскрылись, позволяя сбросить обувь. Руки адмирала опустились к застежке брюк.

В этот момент Инга забыла, что нужно дышать. Ее сердце пропустило удар, застыв в ожидании.

Но Аллард невозмутимо перешагнул через одежду и вошел в душевую. Серая матовая стена бесшумно закрылась за ним.

Издав разочарованный стон, Инга упала навзничь. Запустила пальцы в шелковистый мех палантина, сгребла его и выругалась сквозь зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.